

74.22/2

Г 93

В. В. В.
**ПАВЛИК
МОРОЗОВ**

1521443

74 92/9

31618

X. 49

Г 93

Зубарев

V

Тавиен

серебряков

1963

29n

Савинова

Мелникова

Брозова

Орехов

Савинова

23/11 Борисова

26/11 Борисова

27/11 Борисова

38

4130

31618

X. 49

Vos
V14

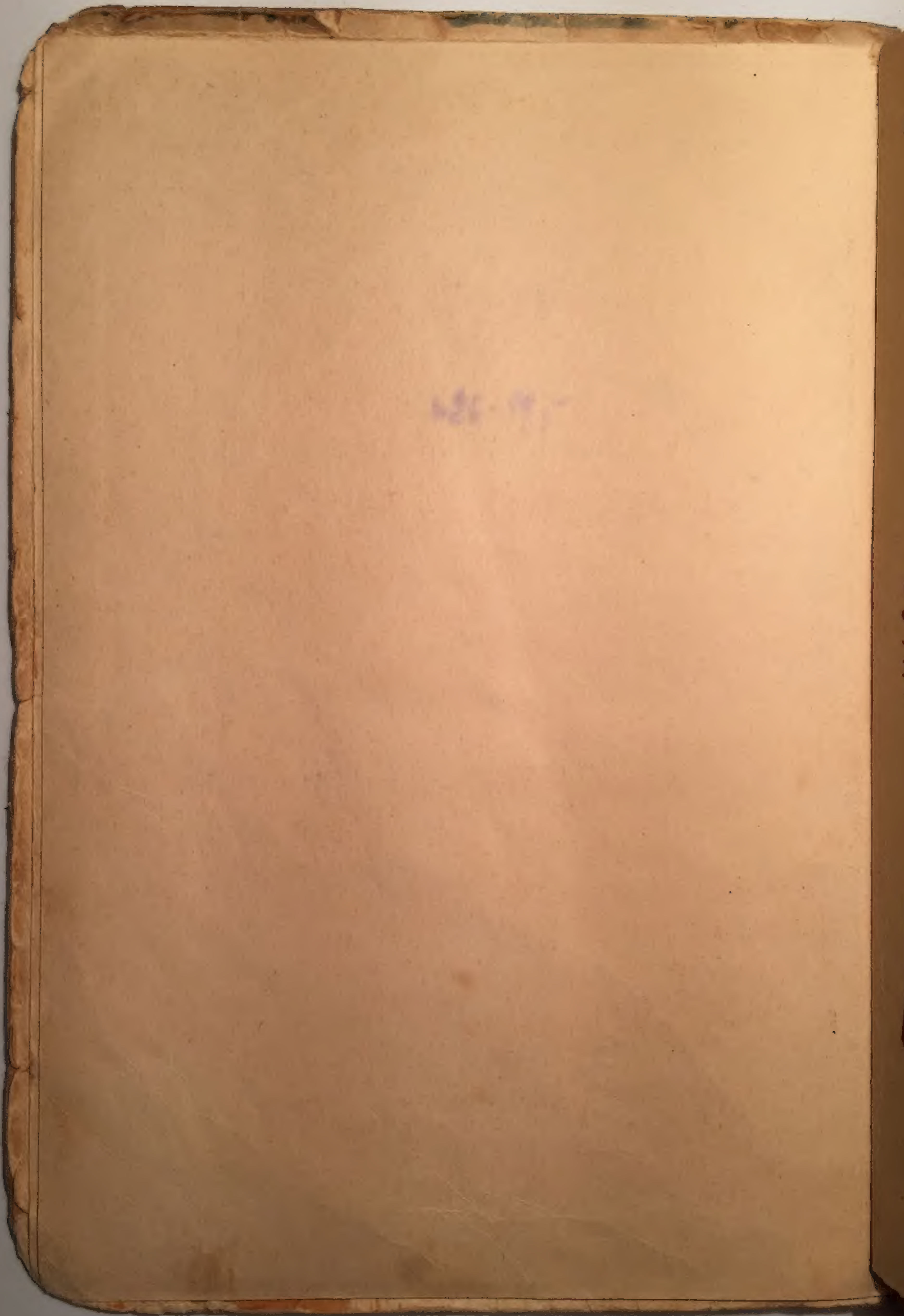
1875

1875

1875

1875

1875

125-195

III

- 11130 -

11130

ам
79.92(2)
793
Школьная библиотека

В. Тубарев

**ПАВЛИК
МОРОЗОВ**

П О В Е С Т Ъ

ПОГАШЕНО

Библиотека № 111
Куйбышского района
АБОНЕМЕНТ

М. С. /

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1963

ОТ АВТОРА

Впервые повесть о Павлике Морозове была напечатана в 1933 году, вскоре после того, как я вернулся из Герасимовки, где участвовал в расследовании злодейского убийства пионера-героя. Потом в повесть вносились различные добавления, она называлась по-разному — «Один из одиннадцати», «Сын» и, наконец, «Павлик Морозов».

Со дня гибели Павлика минуло три десятилетия. Это большой срок, но мальчик с задумчивыми глазами, с родинкой над правой бровью, как живой, по-прежнему стоит перед моими глазами. Имя пионера Павла Морозова стало известно всему миру, и я не сомневаюсь, что много десятилетий оно останется для наших ребят примером самого беззаветного служения родине и общественному долгу. «Память о нём не должна исчезнуть», — говорил Алексей Максимович Горький.

Виталий Губарев.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Выстрел в лесу	3
Председатель сельсовета	8
Бурьян	21
Отцовские конфеты	28
Петька Саков	41
Уполномоченный райкома	48
Тревожный вечер	57
Ночной гость	62
Заговор	72
Таинственное письмо	79
У костра	84
Тени во дворе	93
3 сентября 1932 года	97
Письмо учительницы	107

Художник И. Х. Гринштейн

Губарев Виталий Георгиевич

ПАВЛИК МОРОЗОВ

П о в е с т ь

Ответственный редактор С. Е. Миримский. Художественный редактор Л. Д. Бирюков, Технический редактор Т. М. Страхова. Корректоры К. П. Тягельская и Т. Ф. Юдичева.

Сдано в набор 30/XII 1962 г. Подписано к печати 25/II 1963 г. Формат 60×84^{1/16}. Печ. л. 7,0. Усл. печ. л. 6,39. Уч.-изд. л. 5,33. Тираж 150 000 экз.

ТП 1963 № 184. Цена 29 коп.

Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сущевский вал, 49.
Заказ № 3986.

Здесь уместно напомнить подвиг пионера Павла Морозова, мальчика, который понял, что родные по крови могут быть врагами по духу и что таких родных щадить нельзя. Этот маленький герой заслуживает монумента, память о нём не должна исчезнуть, и я не сомневаюсь, что монумент ему будет поставлен.

А. М. Горький

ВЫСТРЕЛ В ЛЕСУ

Человек был высок и плечист; тёмная с проседью щетина густо покрывала его щёки и подбородок. Медленно поднимаясь по крутому глинистому склону лесного холма, он то и дело останавливался и озирался. Серенькая трясогузка вспорхнула вдруг из-под его ног, он вздрогнул, отшатнулся и выругался громким шёпотом:

— Анафема! Ишь как испугала!..

Он рассеянно проследил за неровным, вихляющим полётом трясогузки и вновь двинулся по склону, слегка припадая на одну ногу. В облике этого человека

можно было бы определить черты сильного и властного характера, если бы насторожённые движения, бегущий взгляд, вся повадка не выдавали в нём чего-то трусливого и ущемлённого.

На вершине холма он остановился и, щурясь от солнца, оглядел горизонт. Кругом синели в дрожащей дымке леса. Было так тихо, что до его слуха отчётливо доносился плеск реки, протекающей в двухстах метрах от холма. В тот год был поздний паводок. Май уже кончался, но река всё ещё несла таёжный бурелом, щепки и брёвна.

Остро пахло лесной плесенью и нежным таёжным цветком лабозником.

Человек долго стоял, напряжённо глядя вниз, на лесную дорогу, равнодушный к сиянию дня и нежному дыханию весны. Под обрывом слышались шаги. Хромой подался вперёд и поднёс к глазам руку, защищаясь от солнца.

По дороге шёл высокий худощавый парень в синей косоворотке.

— Здорово, хлопец! — крикнул хромой. Голос у него был низкий, гудящий, с хрипотцой.

Парень остановился, вскинул голову, ощупывая незнакомца быстрыми серыми глазами.

— Здорово! — ответил он весёлым тенорком и едва заметно усмехнулся. — Кто такой будешь? Будто волк, в кустах хоронишься...

— А может, я и есть волк, — серьёзно сказал хромой. — Ты не герасимовский?

— Герасимовский.

— Поди-ка, посидим, покурим...

— Табак-то твой или мой курить будем? — покривил парень в ухмылке губы и присел рядом на ствол дерева.

— Я так вижу — скуповат ты, хлопец, — впервые усмехнулся хромой.

— Нет, зачем же... Для хорошего человека на закрутку не жалко, — бойко ответил парень, доставая кисет.

— Я ж тебе кажу, что я не человек, а волк, — снова усмехнулся хромой и похлопал парня по плечу большой твёрдой ладонью. — Да ты не бойся, я своих не кусаю... Тебя Данилой звать?

— Данилой... А ты откуда знаешь?

— Обрисовали мне одни люди твоё обличье...

Они помолчали, изучая друг друга пытливыми взглядами. Данила отвёл глаза в сторону, выдул струйку дыма, кашлянул:

— Так... Ну, а тебя как же зовут?

Незнакомец вздохнул, ухмыльнулся:

— В детстве мать называла как-то, да позабыл теперь... Где был?

— На болоте осоку резал.

— Это у вас на Урале сенокосом называется? — Хромой сокрушённо покачал головой.

— Молодую осоку скот очень даже любит... А у вас на Кубани разве скот не ест осоку?

— А тебе кто сказал, что я с Кубани? — быстро спросил хромой.

— По разговору слышу... Вроде бы ты малость русский с украинским путаешь.

— Эх, Кубань, Кубань, золотая сторона! У нас болот нема, а трава на лугах по пояс!

— Хорошо жил?

— Сейчас кажется — лучше бы надо, да нельзя.

— А батраки были?

Хромой повёл плечами:

— У меня полстаницы работало... Да что вспоминать-то теперь...

Помолчали.

— Ты вроде хромаешь? — спросил Данила. — Ногу натёр или ещё что?

— Разглядел-таки! — улыбнулся незнакомец. — Это ещё в детстве жаткой меня в поле царапнуло...

— Давно у нас на Урале?

— Второй год... Как в тридцатом началась у нас коллективизация, так всех нас и турнули на север!

Он помолчал задумавшись. Набежал лёгкий ветерок, листья на берёзках разом зашептались; яркая бабочка, подхваченная потоком воздуха, пронеслась мимо и исчезла в зелени. Незнакомец старательно загасил пальцами папиросу и швырнул её с обрыва на дорогу.

— Значит, ты из Герасимовки?

— Из Герасимовки.

— Слышал я, у вас председатель сельсовета человек очень душевный.

— Ничего себе человек... А зачем тебе председатель?

— А я так, к слову... Ты его знаешь?

— Как не знать-то. Племянником ему прихожусь.

— Добре! — Хромой привстал, заложив руки в карманы. — Это добре, хлопец! Как бы повидаться мне с твоим дядькой?

— Эва, чего хочешь! — протянул Данила. — Нельзя ему с тобой видаться. Что люди-то скажут? Ты же кулаком считаешься! Хоть и бывший, а всё-таки кулак и враг советской власти!

Хромой продолжал в упор смотреть на Данилу:

— Слышал я, что твой дядька не так уж сильно советскую власть любит...

— Наговоры!.. Это ты брось! Его даже секретарь райкома партии товарищ Захаркин уважает!

Хромой не ответил и неторопливо вынул из кармана большие часы с серебряной цепочкой.

— Нравятся? — И, прежде чем Данила успел ответить, отстегнул цепочку от пояса и протянул часы. — Возьми, для хорошего человека не жалко.

— Да ты что? — Данила посмотрел на хромого округлившимися от удивления глазами, но часы нерешительно взял.

— Возьми, возьми... Только устрой ты мне, Данила, свидание со своим дядькой.

— Да что тебе надо от него? Я передам...

Незнакомец ответил не сразу. Казалось, он решал, может ли доверить Даниле свою тайну.

— Что надо? — наконец глухо заговорил он. — А надо мне, хлопец, восемь штук удостоверений.

— Каких удостоверений?

— А вот таких... — Он вынул из кармана бумажку. — Я образец давно приготовил. Смотри: «Дано настоящее удостоверение гражданину деревни Герасимовки, Верхне-Тавдинского района, Уральской области (тут надо пропуск сделать: фамилии мы будем сами вписывать)... что уезжает он с места жительства по собственному желанию и по социальному положению является бедняком».

«Бежать с Урала хочет!» — подумал Данила.

— Не выйдет из этого ничего. Не согласится дядя Трофим.

— А мы не даром, хлопец! Чуешь? Не даром! За каждое такое удостоверение по тысяче рублей заплатим!

— По тысяче?! — не поверил Данила.

— По тысяче, хлопец! И тебе дадим ещё! Устройство нам только это дело.

— Не знаю...

— Устройство, хлопец!

— Я скажу ему...

— Добре!

Данила помолчал, вытер вдруг выступившие на висках капельки пота:

— А ты приходи в Герасимовку, когда стемнеет... Свистнешь на крайнем огороде...

На дороге слышался цокот копыт. Данила и хромой молча шагнули к обрыву. Из-за поворота показался всадник в кителе защитного цвета. Он ехал медленно, отгоняя плёткой слепней. Покачиваясь в седле, всадник тихо напевал. У него было открытое лицо с узким косым шрамом через щеку и усталые серые глаза. На вид ему было лет сорок.

— Кто такой? — шёпотом спросил Данилу хромой.

— Дымов... В райкоме партии работает. Разудалый человек — ездит по району, за колхозы агитирует... Стреляли в него уже один раз, а ему всё нипочём...

— Плохо стреляли! — сказал хромой и вдруг рывком вынул из кармана наган.

— Да ты что, ты что?! — попятился Данила бледнея.

— Ничего! У меня с коммунистами свои счёты!.. Ступай, хлопец, попозже я приду в Герасимовку...

Данила бегом бросился с холма в чащу леса. Он слышал, как за его спиной хлопнул короткий выстрел. Эхо подхватило его и понесло далеко по тайге. Стайка птиц с тревожным свистом сорвалась с вершины старой сосны...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СЕЛЬСОВЕТА

Старая, почерневшая от непогоды и времени изба Трофима Морозова стоит на самом краю деревни. Перед крыльцом растёт одинокая берёза. За покосившимися воротами виден лес, близко подступающий к Герасимовке.

Павел и Федя, запыхавшись, вбежали с улицы во двор.

— Так я и знал! — тоненьким от возбуждения голосом закричал Федя.

— Чего? — спокойно спросил Павел.

Он был на целую голову выше брата, которому шёл всего девятый год, и относился к нему снисходительно.

— Вертушки-то нету! — Федя показал на крышу. — Петька Саков сбил!

— А ты откуда знаешь, что Петька?

— А он сегодня утром шёл в школу на утренник и кричал, что собьёт.

Павел мрачно посмотрел на крышу.

— Да, для него я делал, как же! А может, она упала? — Он вынул из-за пояса книгу и протянул её Феде. — Подержи-ка, братко.

Павел быстро влез на забор, с забора — на серую тесовую крышу, на которой изумрудными пятнами зеленел мох.

— Паш, Петька всегда пристаёт! — плаксиво говорил Федя. — А вчера камнем стукнул. Знаешь, как больно!

— Вот я его сам стукну! — проворчал Павел и поднялся во весь рост.

Он стоял высокий, худощавый. Ветер теребил его тёмно-русые волосы. Было Павлу без малого четырнадцать лет, а по виду можно дать и все пятнадцать.

— Эй ты, рыжий! — вдруг закричал он.

— Кто там? Петька? — спросил Федя снизу.

— Петька.

— Ну вот, так я и знал!

— Рыжий! — кричал Павел. — Это ты вертушку сбил? Чего? Ух, я тебе сейчас дам!

Он соскочил с крыши на забор как раз в ту минуту, когда на крыльцо вышли Татьяна и соседка Ксения.

— Пашутка, ты зачем это через забор? — крикнула Татьяна.

— Так быстрее, маманька!

Павел скрылся на улице. Федя не задумываясь полез на забор следом за братом.

— Федюшка, а ты куда? Разве калитка тесна стала? Штаны порвёшь!

— Не порву, маманька!

Татьяна грустно покачала головой:

— Вот озорники!.. Рассказали бы матери, какой в школе утренник был, так нет, опять на улицу!

— А, пускай, — улыбнулась Ксения. — Ведь мальчишки, Таня.

—хлопот с ними много...

Женщины присели на крыльце.

— Ну что ж, что хлопот много — зато ведь мальчишки у тебя смышлёные, бойкие. А мне вот скучно без детей, — вздохнула Ксения.

— Да, ребята у меня хорошие... А всё ж я иной раз тебе, Ксения, завидую... Ты вон ликбез уже окончила! Грамотная. В активистках ходишь, от всей деревни, можно сказать, почёт.

— Ой, подружка, да ведь я чуток подучилась только, — сказала Ксения певучим грудным голосом. — А уж ворчал мой Фёдор на меня за это! Как вечером, бывало, в школу собираюсь, так он на дыбы: сиди дома, и всё! Однако приструнила я его.

Татьяна с улыбкой взглянула на подругу:

— У тебя нрав крутой... — Она помедлила и вздохнула. — А я вот...

Ксения положила руку на плечо подруги, тихо спросила, заглядывая ей в глаза:

— А как твой?

— Не знаю... — Татьяна неопределённо повела плечами.

— Таня... нехорошо про него болтают...

— Пусть болтают! — вдруг вспыхнула Татьяна, и её сложенные на коленях руки дрогнули. — Ведь председатель сельсовета — завистников много!

— Ты не серчай, — мягко сказала Ксения.

— Я не серчаю. — Татьяна вздохнула, помолчала. — А вообще-то трудно мне с ним, Ксения.

— Я вижу.

В соседнем дворе мелькнула белая рубашка. К жердяному забору, разделяющему дворы, быстро подошёл Данила, окликнул:

— Дядя Трофим!.. Дома он или в сельсовете?

— Дома, — неохотно ответила Татьяна и полубернулась к двери. — Трофим!

— Слышу, слышу... — раздался сонный, сипловатый голос.

— Племянник кличет.

На крыльцо вышел Трофим. Он длинно зевал и, просунув руку под расстёгнутый ворот, почёсывал грудь.

— Чего тебе, Данила?

— Дело есть, дядя Трофим.

— Ну?

Данила не ответил, предостерегающе кивнул на Татьяну и Ксению. Трофим кашлянул.

— Татьяна, поди-ка в избе приberi.

Ксения быстро поднялась, сказала с сердцем:

— Ты уж лучше скажи — уходи, соседка, подобру-поздорову!

Трофим пожал плечами:

— Сиди, коль охота...

Ксения поправила платок, подняла коромысло с вёдрами.

— Ты заходи, Таня... — Она ушла, не взглянув на Трофима, покачивая пустыми вёдрами на коромысле.

— И мне уходить, что ли? — повернулась Татьяна. — Что за секреты завёл с Данилкой?

— Поди, поди... — Трофим выждал, пока жена скрылась в избе. — Какое дело?

Данила открыл узенькую калитку в заборе, не спеша подошёл к Трофиму:

— Осоку я сегодня резал...

— Ну так что ж?

— Встретил одного хромого... из кубанских кулаков.

— Что ж такого? Вон на речке Чернушке целый посёлок кубанских кулаков.

— С тобой повидаться он хочет, дядя Трофим.

— Со мной? — Трофим, прищурив глаза, подозрительно взглянул на Данилу. — Чего ему надо?

— Я так понял, дядя Трофим, что не хочет он у нас на Урале оставаться. «Я, говорит он, к своей Кубани привык».

Трофим усмехнулся:

— Кто же его обратно на Кубань пустит, раз он кулак и против колхозов выступал? Пускай теперь к нашему северу привыкает.

— Так он, может, и привык бы, дядя Трофим, ежели бы на Урале колхозов не было. А то ведь у нас тоже коллективизация идёт.

Трофим поморщился, потрогал пальцами ус:

— Ну, когда ещё до нашей деревни дойдёт... Так чего ж он хочет?

Данила опасливо оглянулся, протянул ему листок бумаги:

— Вот такое удостоверение он хочет.

Председатель медленно читал. Наконец свернул бумажку и вернул её Даниле.

— Ишь ты, чего захотел! За такое дело меня за решётку посадят!

— Дядя Трофим, — горячо зашептал Данила, — да ведь он хорошо заплатит!

Стукнула калитка; во двор вошла девушка с большой русской косой.

Трофим прошептал:

— Тише, учительница пришла. Нелёгкая её носит! — И с улыбкой поднялся ей навстречу. — Доброго здоровья, Зоя Александровна! Рады вас видеть.

— Здравствуйте, Трофим Сергеевич. — Она остановилась у крыльца, смущённо оправила блузку, заметив косой взгляд Данилы. — Что же вы к нам в школу на праздник не пришли?

— Дела, Зоя Александровна... Дохнуть некогда.

— Жаль... Ваш сын лучше всех выступал!

— Павел-то? Он мастак выступать. Что только дальше из него выйдет!

Учительница порозовела и вновь оправила кофточку. Её раздражал нагловатый взгляд Данилы.

— Павлик очень способный мальчик, Трофим Сергеевич! Ему обязательно дальше учиться надо. Нельзя останавливаться на начальной школе. А потом, может быть, и в институт поступит.

Председатель сельсовета коротко рассмеялся:

— Эк хватили — в институт! Горячая у вас головка, Зоя Александровна.

— А вот и поступит! — сказала Татьяна, выходя на крыльцо. — Может, учителем или там доктором станет!.. Здравствуйте, Зоечка!

— Здравствуйте, Татьяна Семёновна! Правильно вы говорите, обязательно Павлику учиться дальше надо.

— Вот пушу его по торговой части, — нахмурился Трофим. — Парень смыслёный, хорошо арифметику знает... Вы ко мне по какому вопросу, Зоя Александровна?

— Я насчёт ремонта школы.

— Не предусмотрено в смете, Зоя Александровна. Я уже говорил вам.

— Этого не может быть, Трофим Сергеевич! Зимой нельзя будет с ребятами заниматься!

— Не предусмотрено, — повторил он и, давая по-

нять, что разговор окончен, прибавил: — Вот так, стало быть...

— Это ваше последнее слово? — вспыхнула учительница.

— Последнее...

— Я сегодня же поеду в райком партии, Трофим Сергеевич!

— Счастливого вам пути... Передайте привет секретарю райкома товарищу Захаркину.

Учительница круто повернулась и пошла к воротам.

— Вот, чёрт, настырная! — прошептал Трофим и громко прибавил: — Одну минуточку, Зоя Александровна! Вы зайдите ко мне завтра в сельсовет. Может, придумаем что-нибудь.

— Я к вам уже раз десять приходила!

— А вы не зазнавайтесь, зайдите, зайдите! — Он проводил её сердитым взглядом, покручивая ус. — Ушла! Скажи на милость, какая важная! Одну зиму ребят проучила, а всю деревню уже свихнула! То ей избу-читальню подавай, то школу ремонтируй. А теперь мужикам мозги крутит — колхоз ей, вишь, надобен!

— Комсомолка... — Данила всё ещё смотрел с усмешкой на калитку, за которой исчезла учительница. — Пионерский отряд устроила. Ты слышал, дядя Трофим? Пашку пионеры своим начальником выбрали. Тоже, как и ты, председатель совета! Смехота!

— Вот я ему настегаяю одно место, председателю! Неподвижно стоявшая на крыльце Татьяна шевельнулась, сказала резко:

— Ну да, настегашь! Так я тебе и дала настегать!

— А это не твоего ума дело! Ступай, хозяйством занимайся!

— Зверь был, зверем и остался! — Она ушла в избу, громко стукнув дверью.

Данила и Трофим помолчали.

— Так что же ещё хромой говорил?

— Говорил, что денег не пожалеет за такие удостоверения.

— А много ему таких удостоверений надо?

— Я так понял, что их человек восемь, раскулаченных, бежать собираются. А может, и больше.

Трофим помедлил.

— Не знаю... Подумать надо...

— По тысяче за удостоверение дадут, дядя Трофим!

— Врёшь?!

— Ей-богу!

Трофим молча крутил ус и вдруг, прищурившись, посмотрел Даниле в глаза:

— А сколько тебе уже хромой дал?

— Мне?.. Ничего, дядя Трофим, — смутился Данила.

— По глазам вижу, что дал. Ну ладно, ладно... Когда он придёт?

— Сегодня, чуток попозже.

— Ладно, пусть приходит. Только чтоб не видел никто!

— Ну, это уж будь спокоен, дядя Трофим! — многозначительно подмигнул Данила и поднялся.

Хотелось ему рассказать ещё Трофиму о том, что хромой стрелял в райкомовского работника Дымова и, наверно, убил его. Данила, однако, рассказывать не стал. Труслив Трофим, чего доброго, ещё совсем испугается и не захочет с хромым встретиться.

— Кажись, ещё кто-то к тебе идёт, дядя Трофим, — сказал он, направляясь к жердяному забору.

— Кто там ещё?

— Арсения Игнатьевича батрак.

— Потупчик?

— Он самый.

Данила скрылся в соседнем дворе, где жил со своим дедом, отцом Трофима. А с улицы во двор вошёл рослый человек с пышной бородой, такой ярко-рыжей, что она горела на его груди, как пламя.

— К вам я, Трофим Сергеевич, — сказал человек густым басом, снимая картуз.

— Вижу, что ко мне. Чего надо?

— Я про Арсения Игнатьевича Кулуканова хочу сказать... Не хочет платить он мне, Трофим Сергеевич.

— Это твоё дело. Сельсовет здесь ни при чём.

— Да как же ни при чём, Трофим Сергеевич! Я же у него, почитай, год батрачу, и хоть бы копейку заплатил!

— Арсений Игнатьевич человек обходительный, — убеждающим тоном сказал Трофим, — напрасно ничего делать не станет.

— Да как же не станет, Трофим Сергеевич! — загорячился Потупчик. — Я на него целый год спину гну, а он платить не хочет. У меня же дочка есть, ей и обуться и одеться надо, и сам я поизносился... А он говорит: «Ты у меня кормился, значит, мы и в расчёте».

— Так ведь харчи тоже денег стоят, — усмехнулся Трофим.

— Это что ж, выходит, за харчи на него хребет гнуть? Пятнадцатый год советской власти идёт! Нет теперь таких порядков!

— Не знаю, не знаю... Это ваше там дело.

— За кулака заступаетесь, Трофим Сергеевич!

Трофим медленно подошёл к Потупчику, заложив руки в карманы. В калитку вбежали Павел и Федя и, увидев нахмуренное лицо отца, притаились у ворот.

— Арсений Игнатьевич Кулуканов в списках сельсовета числится середняком, гражданин Потупчик! —

31618
1130

подчёркивая каждое слово, сказал Трофим. — Ты на честного человека не наговаривай.

— Да когда же он середняком стал? — всё громче гремел бас Потупчика. — Вы сами посудите: одного рогатого скота десять голов, лошадей столько же, паровая молотилка да батраков пять человек! Нет такого правила у советской власти, чтоб мироеда середняком считать. Вы его ещё в бедняки запишите!

— Ты меня правилам не учи, Потупчик, я сам советская власть! Меня товарищ Захаркин всегда поддерживает.

— Много берёте на себя, Трофим Сергеевич! Вам народ доверие оказал, председателем Совета вас выбрали, а вы против народа выступаете!

— Это кто ж народ? Ты, что ли?

— А хоть бы и я!

Трофима раздражал разговор с Потупчиком. «Выгнать бы его к дьяволу!» — подумал он, но не решился: смелый человек этот Потупчик, наделает шуму на целый район, потом расхлёбывай! И Трофим сказал примирительно:

— Ты попусту не горячись. Я помочь всегда помогу, только закон есть закон. Вот так, стало быть.

— Ничего, мы правду найдём, Трофим Сергеевич! — Потупчик надел картуз, вышел на улицу.

— А вы чего, как мыши, притаились? — сердито сказал Трофим, увидев вдруг у ворот сыновей.

Но тут же рассеянно отвернулся: его не покидали мысли о хромом. Восемь тысяч рублей не шутка! Он покрутил ус и молча прошёл на соседний двор, где скрылся Данила.

Из избы вышла Татьяна, начала накрывать на стол под берёзой.

— Ух ты, пирог какой! — подбежал Федя. — Вкусный, маманька?

— А вот попробуешь!!!

ПОТУПЧИК

1930

ЛЕНИН

Почти всю свою жизнь прожила Татьяна в постоянном труде, радостей видела мало. В детстве не пришлось учиться: батрачила у богатого соседа. Замужество не принесло облегчения. Хозяйство и дети отнимали здоровье и силы. Но в них, в детях, находила Татьяна своё счастье. Вон Пашка какой большой и разумный вырос, лучший ученик в школе. Может, действительно станет доктором или учителем! Почему-то ей очень хотелось, чтобы он стал именно доктором или учителем... Домой всякие книжки из школы носит, всё читает газеты да журналы. И её по складам читать выучил. Сначала смешно было, думала — впустую все занятия, а потом приятно стало складывать из букв слова и понимать их затаённый смысл.

Татьяна кончила накрывать на стол, склонилась к Павлу:

— Пашутка, ты о чём задумался?

Павел нахмурил брови. Они у него густые, сросшиеся у переносицы. Над правой — небольшая родинка. Шевельнёт бровью — и родинка вздрагивает.

— Маманька, чего к нам дядя Вася приходил?

— Какой дядя Вася?

— Потупчик.

— Не знаю, Пашутка. А что такое?

— Так просто... — уклончиво ответил Павел.

Татьяна обняла сына, с тревогой заглянула ему в лицо:

— Ты чего будто в воду опущенный? Что у тебя на сердце, Пашутка? Я же всё вижу, ты не отворачивайся.

— Ты слышала, что дядя Вася кричал папаньке? «Вам народ доверие оказал, а вы против народа выступаете»...

Она ответила не сразу, не зная, как объяснить сыну то, что давно тревожило её самое и что лежало на сердце тяжёлым, томящим грузом.

— Работа у отца такая, Пашутка... На всех уго-
дить трудно. Одному — хорошо, другому — не нра-
вится. Отец-то законы лучше знает... Его ведь сам
секретарь райкома уважает.

Павел спросил порывисто:

— Значит, он всё по закону делает?

— Я так думаю, что по закону... — неуверенно
сказала Татьяна.

— Правда по закону, маманька? — допытывал-
ся он.

Что сказать сыну? Она увидела за его поясом но-
вую книгу!

— Что это?

Федя ответил за Павла:

— Премия! Маманька, это Зоя Александровна
Паше дала за учение.

— Премия? Ну-ка, посмотрю сейчас, сынок, как
ты меня читать выучил. — Она открыла книгу и
прочитала по складам: — Го...рьк...ий... Горький...
«Мать»... Правильно?

— Правильно, — улыбнулся Павел.

— Этак я скоро и Ксению догоню.

— Маманька, ты скоро и газеты читать будешь! —
сказал Федя.

— Буду, Федюша, буду! Хорошие вы мои! — Она
обняла сыновей. — Что бы я без вас делала? Только
и радости у меня в жизни! Федюшка, а что ж у тебя
красного галстука нету?

— Не принимают меня в пионеры, маманька, —
вздыхнул Федя и потрогал красный галстук брата. —
А как хочется!

— Пашутка, почему вы его в пионеры не прини-
маете?

— Рано ему ещё. Через год вступит.

— Придётся потерпеть, Федюшка, — сказала
мать.

В калитку заглянула девочка с остреньким носом:

— Здравствуйте, тётя Таня!

— Здравствуй, Мотя... Подойди сюда, что ты в калитке застряла?

— Я на минутку, тётя Таня... я к Паше... по делу.

— Ох, батюшки! Такие все деловые стали... А ты, кажись, тоже пионерский начальник?

— Член совета отряда, — сказал Павел.

— Активистка, значит, — кивнула Татьяна. — Вроде Ксении... Ну, активничайте, активничайте...

Из избы слышался детский плач. Это проснулся самый младший сын, Роман. Татьяна торопливо направилась в избу.

— Паша, а я знаешь чего пришла? — робко спросила Мотя. — Читать Горького будем?

— Ну ясно, будем.

— Давайте сегодня вечером.

— Сегодня вечером не могу. Мы с Яшкой Юдовым на озеро пойдём.

— А ты приходи тогда завтра утром к нам. Ребята соберутся.

— Утром я тоже не могу — на огороде буду.

— Ну, тогда завтра вечером. Ладно?

— А вы сами завтра ко мне вечером приходите.

— К тебе? Ой нет, Паша!.. Я твоего отца боюсь...

— Что ж он, медведь, что ли? — обиделся Павел.

— Я сама не знаю, почему, а боюсь... Сердитый он очень... — Мотя помолчала. — Паша, а Петька Саков опять камнями кидался.

— Вот попадётся он мне!

— Кричит: как война будет, так заграничные буржуи всех пионеров за галстуки повесят.

Павел презрительно улыбнулся:

— Руки короткие у заграничных буржуев! А Петьке Сакову по шее придётся дать.

— Не надо, не связывайся... — Мотя снова по-

молчала. — Паша, ты не знаешь, о чём мой папанька с твоим отцом разговаривал?

— А что? — насторожился Павел.

— Очень расстроенный папанька домой вернулся... Понимаешь, ему Кулуканов не хочет за работу платить, а твой отец говорит, что вроде бы так надо.

У Павла над бровью задёргалась родинка.

— Мой отец по закону поступает!

— Да ты не сердись, Паша... Я ведь только так... — Мотя в замешательстве открыла книгу, негромко прочитала: — «Лучшему ученику Герасимовской школы — Павлу Морозову...» Как приятно тебе, наверно! Да, Паша?... У меня всё с арифметикой не ладится... Ну, я побежала... Всего, Паш...

Мотя убежала, а Павел долго ещё стоял неподвижно, задумавшись о чём-то и рассеянно глядя ей вслед.

БУРЬЯН

У Якова время от времени постукивали зубы — то ли от ночного холода, то ли от страха. Ёжась, шагал он по лесной тропинке следом за Павлом и тревожно поглядывал по сторонам: что, если волк? Правда, говорят, летом волки не нападают, да вдруг какой-нибудь шальной выскочит из темноты...

Павел торопился, шагал широко, шлёпая босыми ногами и помахивая куканом с рыбой. Яков с трудом поспевал за ним и злился:

— Вот заводной! Вот заводной!

Яков низенький, толстый, а Пашка вон какой косявый да длинноногий — лучший бегун в деревне. Попробуй поспей за ним!

— Да тише ты! — взмолился Яков.

Павел остановился:

- Что, вспотел?
- Так вспотел, что зубы лязгают...
- Неужто замёрз? А жир у тебя на что?
- Жир — не тулуп, чтоб греть.

Они стояли рядом в ночном лесу, над деревьями холодным огнём горели редкие звёзды. Так тихо сейчас в тайге, что кажется: крикнешь — на сто километров пойдёт скакать эхо по чёрным верхушкам сосен и елей.

Павел схватил товарища за руку.

Где-то недалеко потрескивал валежник. Всё ближе, ближе. Позади качнулся куст, тёмный клубок выкатился на тропинку. Яков рванулся вперёд:

— Пашка, волк!

Спотыкаясь и сопя, ребята прыгали через кусты и пни; а волк уже совсем близко, и Якову казалось, что он чувствует на своих пятках его дыхание.

Вдруг Павел остановился и захохотал:

— Стой, Яшка! Это Кусака! Стой же, дурной!

Тяжело дыша, Яков опасливо всматривался в мохнатого зверя, который мирно помахивал хвостом. Теперь и Яков узнал Кусаку — охотничьего пса Василия Потупчика. А вон идёт и сам дядя Вася с двустволкой за спиной, огромный и плечистый.

— Эх вы, храбрецы! — раскатистым басом произнёс он. — Чего испугались?

— Дядь Вася, это Яшка крикнул: волк! — оправдывался Павел.

— Ты сам первый побежал, — пробормотал Яков.

— Ничего не первый.

— Нет, первый!

— Ладно, будет, — сказал Потупчик. — Вы где были?

— На рыбалке, дядя Вася.

— А я вот тоже побродил по урману, набил кой-чего на ужин дочке.

Он обвешан дичью, шагает тяжело, громко стучит сапогами. С ним не страшно, пускай хоть сам медведь вылезет.

Путники вышли на просеку, где проходит дорога на Герасимовку. Отсюда до деревни близко. Вот у дороги уже и кресты чернеют. Стоят эти кресты здесь давно — один большой, другой поменьше. Подгнили, накренились под дождями и ветрами, но всё ещё держатся.

Страшную историю рассказывали старики про эти кресты.

Лет тридцать назад, когда Герасимовка была ещё совсем маленькой деревушкой, ездили по округе коробейники. Приезжали они сюда, на север Урала, из Екатеринбурга и Тюмени, торговали бусами, водкой и дешёвыми ружьями, скупали у охотников пушнину за бесценок.

Как-то раз молодой герасимовский мужик Арсений Кулуканов подстерёг в лесу этих коробейников — купца и купчиху, выстрелил из дробовика и разmozжил купцу голову. А толстая купцова жена выпрыгнула из таратайки и, дико крича, бросилась в чащу. Убийца догнал её на полянке и прикончил вторым зарядом.

С тех пор пошёл Арсений в гору. Построил дом, большой и красивый, завёл крепкое хозяйство. Сначала его тревожил волостной пристав из Тавды, но убийца быстро откупился награбленным золотом. И в протоколе записали: «Найдены супруги убитыми неизвестно кем».

А Кулуканов поставил на могиле убитых два деревянных креста — наверно, для того, чтобы не считали его односельчане злодеем. Да только кто не знает, что он злодей? Все знают, а сказать боятся в лицо.

Поравнявшись с крестами, Яков сказал шёпотом:

— Дядь Вась, а ведь они... это самое... совсем сгнили... Небось Кулуканов скоро новые поставит.

— Я б ему самому крест поставил! — проворчал Потупчик. Он достал кисет, ловко скрутил в темноте папиросу, чиркнул спичкой. — Я, ребята, кабы моя воля, взял бы Арсения Игнатьевича — да к ссыльным кулакам на Чернушку. Там ему компания!

— Дядя Вася, а зачем их сослали сюда?

— А чтоб не мешали. На Украине да на Кубани мужики в колхозы объединились, а кулаки мешали. Вот их и сослали. Ну, а хозяйство ихнее в колхозы пошло. Дело, ребята, правильное! Кулак потому так и называется, что чужими руками хозяйство наживает. К примеру, наш Кулуканов. На крови да на батрацком поте разбогател. А раз не твоё всё это — отдай народу!

— У него и фамилия... это самое... кулацкая — Кулуканов! — сказал Яков. — А когда у нас в Герасимовке колхоз будет?

— А это ты своего дружка спроси. — Потупчик положил руку на плечо Павла. — Слышь, Пашка, когда твой отец колхоз устроит?

Павел не ответил.

— А Зоя Александровна говорит, что теперь уже скоро, — сказал Яков.

— Кабы Зоя Александровна председателем была, так мы бы давно уже в колхозе жили. Хорошая она, душевная!

— Хорошая, — согласился Яков.

— Не то что Пашкин отец. — Потупчик слегка постучал ладонью по плечу Павла.

— Ну что ты пристал, дядя Вася! — громко и резко сказал вдруг Павел, и голос у него задрожал. — Прямо как... банный лист.

Павел всхлипнул, круто повернулся и через кусты зашагал к деревне.

— Ты чего, осерчал? — добродушно забасил Потупчик. — Никак я тебя обидел? Вот ведь горе-то какое!..

Павел шёл не оборачиваясь.

В деревне было пустынно и тихо. Где-то лениво лаяла собака, скрипел колодезный журавль.

Проходя мимо двухэтажного бревенчатого здания школы, Павел замедлил шаг. Крайнее окно в комнатке Зои Александровны было освещено. Ветерок колыхал занавеску меж распахнутыми створками. Учительница сидела за столом и что-то писала.

Павлу вдруг очень захотелось окликнуть её и рассказать обо всех тревожных мыслях. Ведь Зоя Александровна такая добрая и душевная! Но, взглянув на сосредоточенное лицо учительницы, Павел переступил с ноги на ногу и вздохнул. «Нельзя беспокоить, и так мы ей за день надоедаем», — подумал он и медленно побрёл домой.

...Зоя Александровна писала письмо:

«Дорогие девочки! Как вы живёте сейчас, мои далёкие подружки? Вот уже скоро год, как я в Герасимовке, а мне до сих пор вспоминается наш милый город и минуты расставания с вами.

Милый, незабываемый Ленинград! Помните, мы

ехали на трамвае по Невскому проспекту и у Фонтанки я вдруг выскочила из вагона. Вы выпрыгнули следом за мной на мостовую и кричали: «Зойка, сумасшедшая Зойка, ты же опоздаешь на поезд!» Помните, что я ответила? Я сказала вам, что забыла проститься с клодтовскими лошадками на Аничковом мосту!

В это время к нам подошёл милиционер и хотел оштрафовать за то, что мы на ходу выскочили из трамвая. Но вы, кажется, объяснили ему, что я только что закончила педагогический техникум, надолго уезжаю из Ленинграда и теперь прощаюсь с городом. Он улыбнулся, погрозил нам пальцем и отошёл...

Потом мы подхватили такси, каким-то чудом все сразу втиснулись в машину и приехали на вокзал к самому отходу поезда.

А когда поезд тронулся и я стояла на подножке вагона, Зина Махрова крикнула мне: «Ты вернёшься из своей тайги через месяц!»

Но я возвращаться не хочу, хотя иной раз с такой тоской вспоминаю наш город и всех вас, что у меня сжимается горло и хочется плакать...

Я приехала в Герасимовку в конце августа, посмотрела кругом — и заняло у меня сердце. Это было очень трудно, девочки!

Двадцать лет прожить в Ленинграде... Невский проспект! Эрмитаж! Александринка!.. Да что говорить! От одного слова «Ленинград» светло на душе становится. И вдруг — непроходимые леса, болота. Комары как туча...

Пришла в школу. Двор зарос бурьяном, всюду грязь, паутина, стёкла выбиты. А ребяташки услышали, что приехала новая учительница, и сбежались в школу. Я им говорю: «Приходите утром, будем бурьян во дворе полоть». А сама чуть не плачу...

Ночью — темнота: не завезли в кооператив керосина. Лежу я в постели, кусаю губы, чтобы не разре-

веться, и думаю: «Нет, здесь я не останусь, завтра же пойду пешком за пятьдесят километров в районо и скажу, что возвращаюсь в Ленинград. А не отпустят — сама уеду!»

Утром собрала я чемоданчик и вдруг слышу, под окошком детский голос: «Здравствуйте, Зоя Александровна!» Выглянула, смотрю — стоит мальчик и смотрит на меня смущённо, но с надеждой. «Чего тебе, мальчик?» Он отвечает: «А вы говорили, чтобы мы пришли бурьян полоть, вот я и пришёл»...

И я стала, девочки, полоть бурьян!..

Сегодня был утренник в честь окончания учебного года. Поймёте ли вы, какое удовлетворение испытала я сегодня? Меня благодарили родители, простые, хорошие люди, которым живётся здесь очень нелегко. Дети преподнесли мне огромные букеты полевых цветов. Мальчик, благодаря которому я осталась в Герасимовке, оказался лучшим учеником в школе, он председатель совета пионерского отряда, организованного мною прошедшей зимой.

Этой же зимой я устроила в деревне избу-читальню, которой сейчас заведует одна крестьянка, закончившая при моей школе ликбез. Теперь у местных жителей одна мечта — колхоз. О нём говорят на собраниях, дома, на улице, в избе-читальне. Впрочем, конечно, далеко не все хотят, чтобы в Герасимовке был колхоз. Однажды ко мне в комнату влетел камень с запиской: «Если ты, проклятая комсомолка, не перестанешь агитировать за колхоз, скажи своим пионерам, чтоб они приготовили тебе гроб».

Есть в Герасимовке группа кулаков и подкулачников, которые ненавидят меня. Ну и пусть! В Герасимовке нет ни одного члена партии, а я — единственная комсомолка. И всё-таки я не одинока и я твёрдо знаю, девочки, что победят те, кто со мной!

Герасимовка разделилась на два враждующих ла-

геря. Раскол произошёл даже во многих семьях. Например, крестьянка, заведующая избой-читальней, Ксения Иванова, страстно мечтает о колхозе. А её муж, Фёдор Иванов, не хочет о нём даже слышать...»

Учительница подняла голову. За окном послышался скрип подводы, и мужской голос негромко окликнул:

— Зоя Александровна!

Она откинула занавеску и выглянула из окна. В ходке, остановившемся у школы, сидели двое: незнакомый крестьянин и человек в кителе, с забинтованной головой.

— Не узнаете, Зоя Александровна? — Человек в кителе подошёл к свету.

Теперь она вспомнила: это работник райкома партии Дымов.

— Николай Николаевич! Что с вами?

— Неприятное приключение... — На бледном лице Дымова усталая улыбка. — Ехал сегодня к вам в Герасимовку, и кто-то подстрелил меня в дороге... Да вы не беспокойтесь: самая пустячная контузия в голову. Через три дня сниму повязку. Спасибо, крестьяне из соседнего села подобрали и вот доставили в Герасимовку.

ОТЦОВСКИЕ КОНФЕТЫ

В избе было жарко и душно. Трофим сказал Татьяне:

— Ужинать будем во дворе, под берёзой. — Он поднял жестяную лампу и пошёл на крыльцо. — Федюшка, пойдн покличь к ужину деда и Данилу.

Федя со всех ног бросился в соседний двор и через минуту явился обратно:

— Папанька, дедуня тебя к себе кличет.

— А что такое, сынок?

— Арсений Игнатьевич в гости к дедушке пришёл. Трофим торопливо шагнул к жердяному забору.

— Ужин, значит, накрывать не надо? — крикнула вслед Татьяна.

— Накрывай, накрывай, сейчас всех приведу! — Он скрылся по ту сторону забора.

На берёзе чуть шелестели листья. На свет налетели мошки и закружились вокруг лампы серым роем.

Трофим долго не возвращался. Наконец на соседнем дворе всхлипнула гармошка, и в калитку один за другим протиснулись дед Серёга с бабушкой Ксенией, Кулуканов, Трофим и Данила с гармошкой.

Стар дед Серёга, почти семьдесят лет. Голова серебряная, лицо в морщинках. Стар, но ещё крепок дед, не сравнишь с бабушкой. У той нос совсем по-старчески повис над шамкающими губами, голова ушла в плечи, за плечами горб. А дед, подвыпив, ещё иной раз и сплясать может, ничего, что ноги кривые. И сейчас шёл дед Серёга, покачиваясь, и на ходу пел тоненько и фальшиво, потряхивая головой и жмурясь:

— «Бывали дни весё-олые, гулял я, молодец...» И-их!..

Уже порядком захмелевший Трофим крикнул:

— Таня! Принимай гостей... Арсений Игнатьевич, садитесь к столу.

Кулуканов, кряжистый, аккуратно одетый мужик с острой бородкой, неторопливо снял картуз, повесил его на стул, степенным жестом пригладил волосы. В каждом его движении чувствовалось, что он знает себе цену, твёрдо стоит на земле и ко всем относится несколько снисходительно.

— Вот это люблю — от стола к столу! — сказал он хрипловатым голосом и, увидев, что Трофим поставил на стол бутылку водки, прибавил со смешком: — Только-то и всего? На такую честную компанию как бы не маловато, а, Серёга?

— Маловато... — поддакнул дед. — Не по... председательски.

Трофим сказал заискивающе:

— Да я ж не знал, Арсений Игнатьевич, что вы гостили у папаньки. Я бы приготовил...

— А мы поправим дело! — Кулуканов потёр руки. — Данилушка, сбегай ко мне домой. Скажи моей старухе, чтоб дала бутылочку самодельного. Скажи, у начальника гуляем! — крикнул он вслед убегающему Даниле.

В калитке показался Павел. Федя бросился ему навстречу:

— Братко пришёл! Ой, гляньте, карасей сколько! Дед приподнялся:

— А-а, рыболов! Ну, поди, поди сюда, внучек. Павел на ходу шепнул брату, косясь на стол:

— Отец не злой?

— Весёлый, Паш... Всё смеётся!

Отец прожевал кусок мяса, старательно вытер рот:

— Ты что же, сынок, так поздно?

— Далеко зашли, папанька... На той стороне озера были с Яшкой Юдовым.

— Ну, садись, ешь. Налей-ка ему, Татьяна.

Мать подала сыну миску со щами, села рядом, погладила рукой по его жестковатым тёмно-русые волосам.

Данила принёс бутылку самогона.

— А вот и подкрепление! — оживился дед и проворно разлил самогон по стаканам. — Арсений Игнатьевич, будьте здоровеньки!

Павел ел, обжигаясь и морщась, искоса поглядывал на двоюродного брата. Данила сидел, развалясь на скамье, глаза — как у деда, помутневшие и узкие. На верхней губе у него растёт, да никак не вырастет редкий рыжеватый пух. Павел знает, что Данила часто скребёт бритвой под носом, чтобы усы росли луч-

ше. Хочется ему походить на взрослого мужика. Вот и сейчас сидит он и крутит непослушными пьяными пальцами папиросу.

— Так ты говоришь, Трофим, приходил Потупчик на меня жаловаться? — спросил Кулуканов, щурясь на свет.

— Я ему как следует сказал, Арсений Игнатьевич!

— Волю он большую взял, этот Потупчик! — сказал дед. — Нет у него уважения к начальству... Ох ты, боже мой! То ли было... Служил я при царе тюремным надзирателем в Витебской губернии...

— Ты уже сто раз рассказывал! — усмехнулся Данила.

— А ты не перебивай!

— О хорошем, Данилушка, и вспомнить не грех, — заулыбался Кулуканов.

Привстав, всё больше оживляясь и помахивая пустым стаканом, дед говорил:

— Да, так вот, служил я тюремным надзирателем... С начальством всегда в ладу, Арсений Игнатьевич! Как, бывало, зайдёт жандармский ротмистр Поликарп Юльевич Зарядин, царство ему небесное, и сразу меня по плечу пальчиком постукает: «Здорово, Морозов!» — «Здравия желаю, господин ротмистр!» Стою не шелохнувшись, все жилочки, как струны, натянуты! И такая благодать в душе, господи боже мой, — даже плакать хочется! А он, Поликарп Юльевич, ещё пошутит, бывало: «Что смотришь на меня, аки пёс, Морозов?» — «По уставу, господин ротмистр, — говорю я, — приказано есть начальство глазами!» — «Нá тебе, Морозов, за верную службу красненькую!..» Да, да, Арсений Игнатьевич, деньжата всегда водились! — Дед пристукнул стаканом по столу и снова запел: — «Бывали дни весёлые...»

— Другие теперь люди пошли, Серёга, не те времена, — сказал Кулуканов и наклонился к Трофи-

му. — Нам теперь вот так друг за дружку держаться надо! — Он сжал пальцы.

Шестилетний Роман на коленях у матери удивлённо таращил на Серёгу круглые глаза.

Дед резко оборвал песню, ударил кулаком по столу:

— Вот копил, копил деньгу, а всё зря! А почему? Посуди сам, Арсений Игнатьевич... Скопил я в Витебске немалую сумму, переехал сюда, на Урал, на пустующие, значит, земли. Стал хозяйством обзаводиться. И обзавёлся! Худо ли? И лошадка, и коровка, и всякая там живность!.. Так вот же, как на горе, задумал Трофим жениться! — Дед сурово взглянул на Татьяну. — Женился, отделился, хозяйство расстроил! Ишь ведь, свою избу построил, забор меж дворами сделал... А разве можно хозяйство пылить? Его копить надо!

Трофим проговорил, улыбаясь:

— Всякому человеку, папаня, своё собственное хозяйство вести хочется. Я и сам копить умею!

Дед хлопнул Трофима по спине ладонью с такой силой, что тот покривился.

— А жилка-то в нём наша, Арсений Игнатьевич, морозовская! Крепко в землю корни пускает. Правильно, Трофим, своя рубашка ближе к телу!

Кулуканов кивнул на Данилу:

— У тебя, Серёга, вон ещё один наследник растёт.

Бабка, молчавшая до сих пор, захмелевшая, как и дед, внезапно прослезилась, глядя на Данилу.

— Сыночка вспомнила, первенького, тятку твоего, царство ему небесное! — запричитала она. — Жаль, помер рано, крепкий был...

— Сынок ему не уступит, — сказал дед. — Этот тоже копить любит, ничего, что молод. А, Данилка? Небось не дождёшься, когда дед Серёга богу душу отдаст, чтобы во владение хозяйством вступить?

— Да ну, дедуня... — стараясь казаться смущённым, повёл плечами Данила.

— А ты не лукавь, не лукавь, Данилушка! — Кулуканов хитро подмигнул ему и, помолчав, шумно вздохнул. — Это великое дело — хозяином быть. Я вон стар, а и то иной раз выйду на крылечко утром да и смотрю кругом. Всё моё! Корова в стойке замычала — моя корова! Петух закричал на заборе — мой петух! Сердце-то радуется! Всё моё!.. Моё!

— А соседи злятся, Арсений Игнатьевич, кулак, говорят, — сказал Данила.

— От зависти, Данилушка, от зависти! Человек человеку — волк! Ежели ты его не подомнёшь, он тебя сам подомнёт! «Кровопивец!» — кричат, а ты наплюй да и живи по-своему! Бедного, конечно, не оставь в беде, как в евангелии-говорится, — понизил голос Кулуканов, и Павел вдруг вспомнил два креста на просеке. Кулуканов потрогал пальцами бородку и продолжал мягко: — Нищему подай, батрака накорми — от этого у тебя не убудет...

У Павла над бровью мелко-мелко задёргалась родинка. Задрожавшим от волнения голосом он сказал неожиданно для всех:

— А надо так сделать, чтобы нищих и батраков совсем не было!

— Чтобы совсем не было! — словно эхо, повторил Федя.

Наступило неловкое молчание.

— Ох ты, боже мой! Вот и цыплята заговорили! — очень ласково сказал наконец Кулуканов.

Дед Серёга снисходительно усмехнулся:

— Да как это сделать, внучок? На батраках мир держится.

Павел быстро ответил:

— Надо, чтобы все в колхозе были!

— Вот как! — прищёлкнул пальцами Кулуканов.

Бабка наклонила голову к Павлу:

— Кто это тебе сказал?

— Зоя Александровна.

— Зоя Александровна, — повторил Федя.

Кулуканов задумчиво постукивал пальцами по столу:

— Пустые это разговоры, Пашутка. Я ж сказал: человек человеку — волк! А волк — он живёт обособливо... В колхозе, Пашутка, все горло друг дружке перегрызут!

— Мал он да зелен, — усмехнулся Трофим. — Вырастет — поумнеет. Данила, налей-ка ещё по одной.

Молча выпили ещё по одной чарке. Данила протянул Феде стакан:

— На, допей...

Федя испуганно отодвинулся:

— Пей сам... Паша говорит, нельзя ребятам!

— Мало ли что Пашка говорит... Кто он тебе?

— Брат...

— Так я тоже двоюродный брат.

Федя подумал:

— А ты не пионер! Вот!

Бабка погрозила Даниле пальцем, зашелестела беззубым ртом:

— Ты чему там Федюшку учишь, разбойник?

— Этот ещё мал, — сказал Кулуканов, — а старшему приучаться можно... Смотри, какой уже вымахал!

Трофим широко улыбнулся, подмигнул Павлу:

— Башковитый парень. С вывихом небольшим, правда... — Он небрежно потрогал пальцем красный галстук сына. — Ну, да ничего, выправим... Сынок, поди ко мне, милый...

Трофим потянулся к Павлу, обнял его горячей, потной рукой. От него нестерпимо пахло водкой, но Павел был так поражён этой неожиданной, такой ред-

кой лаской отца, что прильнул к нему и заговорил тихо и растроганно:

— Папанька... папанька...

Татьяна, радостно улыбаясь, смотрела на них:

— Давно бы так... А то совсем забыл, как детей любить надо.

Отец поцеловал мальчика мокрыми губами, подсунил ему стакан:

— Выпей, сынок, за папаньку! За папанькино здоровье!

— Ему нельзя, дядя Трофим, он пионер, — криво улыбнулся Данила.

Татьяна вскочила:

— Трофим! Свихнулся, что ли? Мальчишке четырнадцати лет нету... Не слушай его, Пашутка!

Но Павел нерешительно взял стакан:

— Подожди, мам... ведь за папаньку!

Татьяна гневно крикнула:

— Трофим!

— Ну ладно, ладно, не буду, — виновато усмехнулся отец. — Давай чаю, Таня...

— То-то, чаю... — Татьяна пересаживала Романа на колени бабки и стала убирать со стола.

Дед сказал:

— Чай хорошо со сладким пить, а что у вас к чаю есть?

— Есть кое-что, — подмигнул Трофим.

Он, покачиваясь, пошёл в избу и возвратился с большим кульком в руках.

— Конфеты! — радостно взвизгнул Федя.

— С начинкой! — Трофим помахал кульком. — Привезли сегодня в кооператив, ну, я и взял.

— Ну, и сколько ж заплатил? — спросил дед.

— Миловал бог, — усмехнулся Трофим, — уважают председателя...

— Хватка у тебя, Трофим, и впрямь сильная! —

Е! сощурил в усмешке глаза Кулуканов и, заметив, что Данила опасливо оглянулся на ворота, прибавил: — Ничего, Данилушка, тут все свои...

Трофим бросил детям несколько конфет. Федя прихлопнул конфеты ладонью, как будто это были жучки, собирающиеся улететь. Потом он взглянул на старшего брата. Павел сидел мрачный, он не прикасался к конфетам. Федя растерянно заморгал и медленно убрал руку под стол.

— Я не буду их есть... — тихо проговорил Павел.

— И я не буду... — сказал Федя.

Все посмотрели на Павла.

— Почему же это ты не будешь их есть? — спросил отец.

Павел молчал.

— Ну?

— Потому что... потому что...

— Почему?

Павел нащупал ногой под столом планку, соображая, будет ли она мешать, если понадобится бежать.

— Потому что... Зачем ты брал конфеты в кооперативе? — Его голос сорвался и задрожал. — Взял, а деньги не платил!

— А деньги не платил, — чуть слышно повторил Федя.

— Паша! — вскрикнула мать.

Дед Серёга зашевелился, покачал головой:

— Неладно ты, внучек, про отца говоришь! Он же председатель.

— А председатель тоже не имеет права!

— Так... Что ещё? — очень тихо, так тихо, что его едва расслышали, спросил Трофим.

Дед Серёга наклонился к Татьяне, шепнул:

— Пускай ребята ко мне нынче ночевать придут... А то прийдёт их Трофим спяну...

МГ 62

— Так я тебе покажу, какой я вор!

В наступившей тишине отец заговорил, растягивая слова:

— Выходит, стало быть, по-твоему, я вор? — Он рывком сдёрнул с рубахи ремень.

— Брось, Трофим... — Кулуканов удержал его за рубаху. — Слышь, брось! Сам же сказал... мал он да зелен. Вырастет — поумнеет...

— Так я тебе покажу, какой я вор! — Трофим рванул рубаху из рук гостя, шагнул к сыну.

Татьяна вскочила, загораживая мужу дорогу:

— Не тронь Пашу! Слышишь? Не тронь!

Он грубо толкнул жену, взмахнул ремнём. Павел ждал этого движения и, согнувшись, скользнул в сторону. Ремень стукнул по скамейке. Павел, а за ним Федя бросились к воротам и в калитке столкнулись с незнакомым человеком.

— Тихо, тихо, ребятки, — рассмеялся он, широко расставляя руки, — с ног собьёте.

Трофим растерянно попятился.

— Товарищ Дымов? — Он быстро надел ремень. — Здравствуйте, товарищ Дымов!.. Когда же вы приехали?

— Час назад, товарищ Морозов. Как вы тутживаетесь?

— Да, спасибо, помаленьку... — быстро говорил Трофим, чувствуя, как лицо покрывается холодной испариной. — А что в районе нового, товарищ Дымов? Мы тут в тайге от жизни отгорожены, в собственном соку варимся... Хорошо, что вы нас не забываете.

Дымов пожал Трофиму руку, неторопливо пошёл вместе с ним к столу. На ходу коротким движением поправил на голове белый бинт.

— Большие дела в районе, товарищ Морозов! Курс на коллективизацию! Больше никак нельзя медлить! Мы и так уж от южных районов отстаём. Там народ давно по-новому живёт!

— Отстаём, отстаём, товарищ Дымов. — Трофим угловато провёл тыльной стороной ладони по лицу, смахивая холодный пот. — Да вы садитесь к столу.

— О, да у вас тут праздник!

Трофим засуетился:

— Маленький, товарищ Дымов... Юбилей, можно сказать, справляем... день рождения...

— Поздравляю, поздравляю, — весело говорил Дымов, оглядывая сидящих за столом.

Трофим заметил его пытливый взгляд и сказал поспешно:

— А это — познакомьтесь, сельский актив... Товарищ Кулуканов... и родственники: отец, мать и племянник. Выпейте чарочку с дороги, товарищ Дымов! Таня, что же закусить не предлагаешь? Ну, что там ещё нового в районе? Как здоровье товарища Захаркина?

Дымов сдвинул брови, помолчал.

— Нет больше Захаркина, товарищ Морозов.

— Как — нет? — спросил Трофим и снова вытер со лба пот. — Неужто в обком работать забрали? Очень был способный работник.

— Врагом он оказался, товарищ Морозов!

— Не может быть! — Трофим сел на скамью и снова поднялся. — Не может быть, товарищ Дымов!

— Враг самый закоренелый! — Дымов провёл рукой по голове и, притронувшись к повязке, болезненно поморщился. — Ведь какое вражеское гнездо в районе свил этот Захаркин. Из-за этих негодяев мы и с коллективизацией так отстали. Жаль, не разобрались мы в этих людях вовремя...

— Кто мог думать, товарищ Дымов! — Трофим зацокал языком. — Ай-я-яй! Ведь каким честным человеком этот Захаркин прикидывался... Ай-я-яй... Вы к нам надолго?

— Недельку, думаю, пробуду.

— Вот хорошо-то, вот хорошо! Вы, как уполномоченный райкома партии, очень нам поможете... — Трофим повернул побледневшее лицо к Кулуканову. — Арсений Игнатьевич, ты к себе на квартирку возьми товарища Дымова.

Кулуканов привстал торопливо:

— С превеликим удовольствием. За честь посчитаю.

— Не беспокойтесь, я уже остановился, — сказал Дымов.

— У кого же это, если не секрет?

— У Потупчика Василия Ивановича.

Трофим и Кулуканов быстро переглянулись.

— Да как же можно у Потупчика, товарищ Дымов? — Кулуканов развёл руками. — У него же избёнка ветром подбита... Постелить нечего.

Трофим наконец овладел собой, проговорил спокойно:

— А это дело товарища Дымова, где останавливаться, Арсений Игнатьевич. Может, он нашу герасимовскую бедноту получше изучить хочет... Очень правильно поступаете, товарищ Дымов!.. Так прошу вас... — Он протянул Дымову стакан.

— Спасибо, я уже закусил, товарищ Морозов, а насытый желудок она не идёт как-то... — смущённо улыбнулся Дымов. — Да и голова у меня болит... Так в сельсовете завтра встретимся. Извините, что празднику помешал...

Он ушёл. Все молчали, прислушиваясь к удаляющимся шагам. Данила пошевелился, всхлипнула на его коленях гармошка.

— Нишкни ты, окаянный! — грубо прикрикнул на него Кулуканов. — Что ж теперь делать, Трофим?

— Чёрт!.. — Трофим потёр лоб. — Даже хмель прошёл... Я думал, его Захаркин из партии уже исключил, а вышло наоборот всё! — Он помолчал,

тряхнул головой. — Ну, да ладно, неделя не год. Дымов приехал и уедет. А вот Захаркина жалко.

Кулуканов поднялся:

— Спасибо за угощение... Пойдём, Серёга. Ну, теперь держись, Трофим!

Гости ушли. Федя тихонько шепнул брату:

— Паш... папанька его боится?

— Кого?

— Приезжего.

— Не знаю... Выходит, боится.

— Данила! — громко окликнул Трофим.

— Да, дядя Трофим! — Данила бегом вернулся.

— Не понимаю я его — что за человек? Раз кубанцы уж стреляли в него, а он всё по району ездит, — пожал плечами Трофим.

— Два раза стреляли, дядя Трофим!

— А ты откуда знаешь?

— Знаю... вишь, голова перевязанная...

— Сбегай, Данила, к ссыльным кулакам на Чернушку... Скажи хромоту, чтоб не приходил в Герасимовку... Стой! — Трофим запнулся, вспомнив про обещанные восемь тысяч. — Скажи, пускай приходит, когда непогода будет... и чтоб в темноте, по огородам... Днём нарваться может.

— Ладно, дядя Трофим.

— Паш, какой это хромотой? — спросил Федя.

— Не знаю. Ох, братко, братко, ничего я понять не могу! — вздохнул Павел.

ПЕТЬКА САКОВ

Ночью прошёл дождь, но к утру небо очистилось от туч, и над тайгой засияло солнце. Повторённое бесчисленное количество раз, оно сверкало на каждой травинке, на каждом листке. Дул тёплый южный

ветер. Деревья мягко шелестели, осыпая тугие, тяжёлые капли.

Растрепавшиеся светлые косички Моти были влажными от этих капель. Она шагала по высокой траве, приподнимая подол серенького платья, мокрая трава холодила коленки.

На полянке девочка присела на старый поваленный ствол дерева. Шелестела трава, со всех сторон наплывал весёлый гул омытого дождём леса. Мотя осмотрелась вокруг. Рядом на длинный зелёный стебелёк опустился большой бархатный шмель; стебелёк закачался под его тяжестью. Шмель перебирал мохнатыми лапками, подрагивал стеклянными крылышками. Девочка протянула к нему руку. Шмель взметнулся и, кругами набирая высоту, исчез между деревьями. Мотя вздохнула, потянулась и, подложив руку под голову, улеглась на стволе. Лесной гул убаюкивал её, она закрыла глаза.

— Вот как её в разведку посылать! — услышала она недовольный голос.

Мотя вскочила, одёргивая платье. Перед ней стоял Павел с ребятами...

— А что? Я ничего... — смущённо заговорила она.

— Ну да, ничего! — усмехнулся Павел. — Только по всему лесу храп раздаётся!

— А я и не спала совсем. На самую чуточку глаза только закрыла...

— Ладно уж, — сказал Яков. — Простим на первый раз-то. Уж больно хорошо она дорожные знаки ставит. От самой деревни по ним шли и не сбивались.

— Так и быть, простим, — согласился Павел, отошёл в сторону, оглядел собравшихся и скомандовал: — Отряд, становись!

Построились, посчитали — не оказалось одной пионерки, Клавы Ступак.

— Ну, ясно! Девчонки... это самое... всегда подводят! — проворчал Яков.

— Ну-ну, ты потише насчёт девчонок! — вступилась Мотя.

— Отставить разговоры! — прикрикнул Павел.

Он помолчал, окидывая взглядом строй, и торжественно произнёс:

— Очередной сбор герасимовского отряда юных пионеров объявляю открытым! Знаменосец, поднять флаг!

Яков вынул из-за пазухи красный флажок. Зажимая коленками выструганное из берёзки длинное древко, он укрепил флажок на конце, вышел из строя и воткнул древко в мягкую после дождя землю. Маленький красный флажок затрепетал на ветру.

— Вольно! — скомандовал Павел. — Садитесь, ребята, где посуше. — Он вынул из-за пояса книгу, аккуратно завернутую в газету. — Чья очередь читать?

— Мотина.

Девочка открыла книгу.

И вот нет больше тайги. Все словно перенеслись в другой мир. У Павла сильно стучит сердце. Человека, о котором пишет Горький, тоже звали Павлом. Какой это замечательный герой! Как отважно он боролся за свободу, за счастье народа!

Тихо и ровно звучит голос Моти:

— «Заревел гудок, поглотив своим чёрным звуком людской говор. Толпа дрогнула, сидевшие встали, на минуту всё замерло, насторожилось, и много лиц побледнело.

— Товарищи! — раздался голос Павла, звучный и крепкий. Сухой, горячий туман ожёг глаза матери, и она одним движением вдруг окрепшего тела встала сзади сына. Все обернулись к Павлу, окружая его, точно крупинки железа кусок магнита.

Мать смотрела в лицо ему и видела только глаза, гордые и смелые, жгучие...

— Товарищи! Мы решили открыто заявить, кто мы, мы поднимаем сегодня наше знамя, знамя разума, правды, свободы!

Древко, белое и длинное, мелькнуло в воздухе, наклонилось, разрезало толпу, скрылось в ней, и через минуту над поднятыми кверху лицами людей взметнулось красной птицей широкое полотно знамени рабочего народа...»

Голос Моти начинает дрожать от волнения. Она глубоко вздыхает и смотрит на пионерский флажок, который, словно язычок пламени, колыхается среди зелени.

— «...знамя разума, правды, свободы...» — тихо повторяет Мотя.

Внезапно Яков вскакивает с места.

— Слышите? — шепчет он.

Да, теперь все слышат: в лесу кричит Клава Ступак. Ребята растерянно переглядываются. Проходит минута, другая, и на полянку выбегает Клава. Она так бледна, что веснушки на её лице видны отчётливее, чем обычно.

— Ребята, — прерывающимся голосом говорит она, — за мной саковцы гонятся... ударили...

Саковцами в Герасимовке прозвали группу ребят, которыми верховодил Петька Саков. Много неприятностей причиняли саковцы отряду. Вначале, когда в школе был организован пионерский отряд, они пытались срывать сборы: били в классе окна, швырялидохлых мышей. Потом, когда наступила весна и пионеры начали собираться в лесу, Петька и его приятели стали подстерегать пионеров поодиночке.

— Где они? — глухо спросил Павел.

Из-за кустов полетел камень. Павел пригнулся, камень пролетел мимо.

Засунув руки в карманы, Петька Саков презрительно глядел .
на пионеров.

— Трус! — крикнул Павел. — Камнями кидаешься, а один на один выйти боишься!

Это был вызов. И тогда кусты раздвинулись, и на полянке появился Петька Саков. Рыжий, вихрастый, засунув руки в карманы, он стоял под сосной и презрительно глядел на пионеров. Один за другим на полянку выходили саковцы.

— Кто трус? — спросил Петька, презрительно оттопырив нижнюю губу.

— Ты брось, Петька, шутить!

— А я не шучу.

— Смотри, доиграешься!

— А ты не пугай! Я сам пугать могу.

— Мы вас не трогаем, и вы нас не трогайте.

— Больно важный. Тоже мне коммунист!

— А ты подкулачник!

— Вот мы ваш флаг на тряпки пустим!

— А ну попробуй!

— И попробую!

Подбадриваемый приятелями, Петька Саков вразвалку подошёл к отрядному флажку.

— А ну попробуй! — сказал Павел сквозь зубы.

Саков протянул руку к флажку. Через секунду Павел и Саков, сопя и кряхтя, катались по мокрой траве.

— Ой, ребята, что же это такое! Помогите ему! — закричала Мотя.

— Двое дерутся — третий не мешай! — сказал Яков.

— Петька неправильно хватает! — кричала Мотя.

— Ничего! Смотри, Пашка уже подмял его!

На помощь Петьке бросились приятели. И тогда в бой пришлось вступить всем мальчикам. На полянке завязалась яростная схватка.

Силы были на стороне саковцев.

— Ах ты, гад! — вдруг закричала Мотя и бросилась на паренька, норовившего схватить флажок.

Одной рукой она вцепилась ему в волосы, а другой начала яростно его царапать. Паренёк завопил, рванулся и позорно побежал с поля боя. Клава Ступак ринулась за ним, неумело тыча в его спину кулаками.

— Гад такой!.. Да мы тебе за наш флаг глаза выцарапаем!

Трусость заразительна. Вслед за одним побежали и другие саковцы. На полянке отбивался только Петька Саков. Мотя крепко держала его за волосы.

— Пусти, больно! — взмолился Петька.

— Я тебе ещё добавлю сейчас, гад! — тяжело дыша, сказала Клава.

— Отпустите его, — сказал Павел.

— Будешь камнями кидаться?

— Бо-о-льно!..

Мотя разжала пальцы. Петька поднялся и, выплевывая траву и размазывая по лицу кровь из разбитого носа, побрёл в сторону. За кустиком он остановился и крикнул хохочущему Якову:

— А ты чего ржёшь, заика?

— Кто заика? — рассвирепел Яков.

— Ты!

Яков ринулся на Петра, но тот исчез в зарослях.

— Я тебе... это самое... покажу з... зайку!

— Айда в деревню, ребята, — сказал Павел. — Зоя Александровна говорила, что сегодня ещё нам лозунги писать.

И пошли ребята в деревню, а в пути заново переживали драку, припоминали подробности и показывали друг другу синяки и ссадины. И, хотя сбор был сорван, ребят так и распирало от гордости — шуткали, одолеть таких врагов и обратить их в бегство! Было их десять, но казалось им, что силы их несметны и что нет такого дела, которое было бы им не по плечу.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ РАЙКОМА

Перед вечером учительница встретила с Дымовым в сельсовете. В небольшой комнате с длинными скамьями вдоль стен и ситцевыми занавесками на окнах было накурено и душно.

— У вас целый день люди, Николай Николаевич, — сказала она, глядя на его утомлённое, бледное лицо. — Вы плохо себя чувствуете?

— Ничего, ничего, Зоя Александровна... — Он прошёл через комнату и распахнул створки окна. — Садитесь сюда, здесь прохладнее. Итак, вас беспокоит ремонт школы?

— Очень беспокоит, Николай Николаевич, — горячо заговорила она. — Вы подумайте, до нового учебного года всего три месяца, а ремонт ещё не начинался. Палец о палец никто не ударил. Морозов говорит — в смете не предусмотрено.

— Ошибается ваш Морозов... Вы только не волнуйтесь, Зоя Александровна... Школу вам отремонтируют. Это я вам твёрдо обещаю.

— И вообще, так трудно с Морозовым!.. — вздохнула она.

— Отчего же?

— Не тот он человек для председателя Совета!

Дымов помолчал, прежде чем ответить.

— Не слишком ли поспешный вывод, Зоя Александровна? Опыта у него, конечно, мало, да где же взять опытного? Вот поработает и научится. Не боги горшки обжигают.

— Ничему он не научится! Он же равнодушный, холодный человек. Бьёшься, как об стенку! И не откажет и ничего не сделает... Не знаю, может быть, мне кажется, но он... не советский человек...

— Ой-ой, Зоя Александровна! Не слишком ли?

— Может быть, я ошибаюсь...

Дымов задумался. Вероятней всего, эта молоденькая взволнованная девушка не ошибается. Точно такие же мысли появились сегодня и у него. Но эти мысли не подкреплены фактами, человека надо ещё проверить. Годы партийной работы научили его не делать скоропалительных выводов, присматриваться к людям, изучать их.

— А не пьёт ли он? — спросил Дымов.

— Пьёт. И компания у него такая — все местные богатеи!

— Это уж плохо, — тихо сказал Дымов. — А в районе он был на хорошем счету... Хотя в своё время и Захаркин был на хорошем счету... Да, да! — громко прибавил он, услышав стук в дверь.

В комнату вошёл пожилой худощавый крестьянин в расстёгнутой поддёвке:

— К вам я, товарищ Дымов.

— Входите, входите, — сказал Дымов и снова обратился к учительнице: — Так вы пришлите своих пионеров, вместе подумаем над текстами для лозунгов. А может, и вы с ними зайдёте? Нам бы ещё поговорить надо.

— Обязательно зайду, Николай Николаевич. — Она поднялась и вышла.

Дымов пожал руку крестьянину в поддёвке:

— Садитесь, товарищ.

— Ничего, мы и постоим. — Он покашлял. — Потому как вы человек партийный, я спросить у вас хочу...

— Спрашивайте, товарищ... Вот знакомо мне ваше лицо, а фамилию никак не припомню...

— Иванов. Федор Тихонович Иванов.

Дымов улыбнулся. Мягкая улыбка очень красила его лицо с глубоким шрамом на щеке.

— Кажется, месяц назад вы с женой в район приезжали. Правда? Ксенией Петровной её зовут?

— Её весь район знает, товарищ Дымов... — не-весело улыбнулся Иванов. — Только толку мне от неё мало.

Дымов недоуменно поднял брови:

— Почему же так против неё настроены?

Иванов сказал мрачно:

— Так я не то что настроенный... Я спросить хочу: могу я с ней, значится, разойтись законным образом и кому надо заявление давать?

— Зачем же расходиться? — укоризненно спросил Дымов.

Иванов потоптался на месте, застегнул и снова расстегнул свою поддёвку. Он явно волновался.

— Могу сказать, товарищ Дымов... Мне скрывать нечего. Разногласие у нас получилось...

Дымов пытливо посмотрел ему в глаза.

— По какому же вопросу разногласие?

— Да вы-то, как я думаю, её сторону примете. Ну, а мне от того не легче... Вам, значится, известно, что она, Ксения-то, активисткой считается?

— Знаю, знаю.

— Женотдел! — в сердцах сказал Иванов, начиная горячиться. — Ну ладно, это ещё полбеды, хотя, конечно, дома от этого женотдела прибыли нету. Однако пусть своими делами занимается, общественными, раз она ликбез кончила и грамоте научилась. Я не возражаю... Детей у нас нету, не дал бог, так что времени у неё на всё хватает, это так. — Он говорил быстро, машинально застёгивая и расстёгивая свою поддёвку. — Но когда, значится, речь про наши домашние дела заходит, то уж тут ты слушай мужа. Это тебе не изба-читальня!

— Да о чём у вас спор идёт?

— Да всё о том же, — вздохнул Иванов, — о чём теперь все люди спорят.

— О колхозе?

— Так и есть.

— Всё ясно, Фёдор Тихонович. Она за колхоз, а вы...

— А я против! — решительно махнул рукой Иванов. — Ни в какой колхоз я не пойду, как вы меня ни агитируйте! А силой никто заставить не может!

— Никто, никто, — кивнул Дымов.

— Сами посудите... Всю жизнь голоштаным мужичонкой был, ни кола ни двора своего не было! — говорил Иванов, и в голосе его звучала неподдельная тоска. — Всё по людям с женой мыкались, батрачили. Только стал на ноги становиться, лошадёнку завёл... Землица у меня неважнецкая, да всё же хлеб родит... И вот, значит, брось всё это к лешему!

Дымов сказал ласково и убедительно:

— Зачем же — к лешему? Колхозы для того, чтобы люди лучше, богаче жили.

— Слышал я это уже, товарищ Дымов! И учительница наша и жена всей деревне уши колхозом прожужжали. Не верю! Вот что хотите делайте — не верю! А с ней жить не буду, раз согласия нету... Вы скажите, товарищ Дымов, как мне с ней развод сделать?

Дымов поднялся, развёл руками:

— Не знаю... Честное слово, не знаю, Фёдор Тихонович. Сам-то я не разводился... Вернусь в район — специально для вас узнаю.

— А то у нас не житьё, а мука!

— А сколько лет вы с ней мучаетесь? — улыбнулся Дымов.

— Да уж восемнадцатый пошёл...

— Значит, всю жизнь вместе, а теперь порознь? Нескладно получается, Фёдор Тихонович. А вдруг она права?

— Ксения-то? Она кого хошь уговорит! Только не меня! Разведусь! — Он снова махнул рукой, круто повернулся и вышел.

Дымов высунулся в окно:

— Куда же вы, Фёдор Тихонович? Разговор-то мы не кончили.

Иванов шёл по улице, не оглядываясь. «Горяч, горяч, — подумал Дымов, — а ведь всё-таки поверит в колхоз. Этот обязательно поверит!»

В комнату вошёл Трофим. За прошедшие сутки он осунулся, похудел. Исчезла его медлительная важность, глаза смотрели беспокойно, перебегали с предмета на предмет.

— Всё сделал, как вы говорили, товарищ Дымов: в избе-читальне актив соберётся. Сам оповестил всех.

Дымов подошёл к столу, над которым висел кусок картона с надписью: «Председатель сельсовета Т. С. Морозов».

— У меня к вам вопросы есть, товарищ Морозов. Я тут внимательно просмотрел список дворов. — Дымов посмотрел в глаза председателю. — Честно говоря, странный список...

— А в чём странность, товарищ Дымов?

— Выходит, что у вас в Герасимовке кулаков нет? Что ни фамилия, то бедняк или середняк. А вот люди говорят другое.

— Да кто говорит-то, товарищ Дымов?

— Хотя бы Потупчик.

Председатель хриповато рассмеялся:

— Больной человек Потупчик этот, товарищ Дымов. Я вас предупредить позабыл...

— Странно... я не заметил.

— Больной, больной! В умственном расстройстве. Дымов помолчал.

— Ну, а учительница тоже «в умственном расстройстве»?

Морозов заулыбался снисходительно:

— Зоя Александровна? Да ведь она, товарищ Ды-

мов, без году неделя в Герасимовке живёт. Где же ей знать всех? — Он вдруг сделал серьёзное лицо и понизил голос, чуть склонясь к собеседнику. — А вообще я вам сказать должен, что заметил я за ней левацкие загибы!.. Конечно, считается комсомолкой, да ведь Захаркин и того выше был — секретарь райкома партии! Не была ли связана с Захаркиным?

Дымов сказал резко:

— Ну, уж это, вы меня простите, Морозов, глупости!

— Я не в смысле наговора. Я, товарищ Дымов, в порядке бдительности. Всё-таки маскируются враги!

— Да, враги маскируются...

Председатель встретился с Дымовым глазами и отвёл их в сторону.

— А может, конечно, я и сам в чём не разобрался. Человек я не шибко учёный...

За порогом слышались шаги, коротко скрипнула дверь, и в комнату просунулась седая бородка Кулуканова. Морозов оживился.

— Вот, пожалуйста, товарищ Дымов, Арсений Игнатьевич Кулуканов — первый агитатор за колхоз.

Кулуканов неторопливо переступил порог, пригладил пальцами бородку.

— Я с превеликим удовольствием в колхоз вступлю, — сказал он и с достоинством кивнул Дымову. — За мной дело не станет. Только народ в Герасимовке у нас несознательный.

— Почему вы так думаете? — спросил Дымов. — Я со многими гражданами уже беседовал.

Председатель усмехнулся:

— Лукавят, товарищ Дымов, правду в лицо сказать боятся.

— Боятся? Не заметил. Сегодня ещё на активе поговорим, завтра — на собрании, вот они правду-то и скажут.

— А в душе против, — вздохнул Кулуканов и сел рядом с Дымовым. — Не все у нас до колхоза доросли.

Снова заскрипела дверь. Стукнув сапогами, порог переступил Иванов:

— Опять я к вам...

— Пожалуйста, Фёдор Тихонович. — Дымов привстал.

— Входи, входи! — сердито крикнул Иванов в дверь и, обернувшись к Дымову, прибавил: — Только я домой пришёл, а жена опять за своё!

Вошла Ксения, смущённо прислонилась у двери к стене, заложив за спину руки.

— Вот вы ей сами скажите, товарищ Дымов, как Ленин-то насчёт земли рассуждал.

— Я ж тебе толкую, что Ленин за колхозы был, — начала Ксения.

— Ты помолчи, помолчи! — перебил её муж. — Тут пограмотнее тебя есть люди... Так как, товарищ Дымов? За колхозы был Ленин или против?

— За колхозы, Фёдор Тихонович! — сказал Дымов. — Владимир Ильич указывал, что мелким хозяйствам из нужды не выйти.

— Вот видишь, я же говорила...

— Да помолчи ты!.. — Иванов помедлил. — А что же раньше, при Ленине-то, коллективизации не было?

— Не время было, Фёдор Тихонович. Для крупного хозяйства нужна техника. А какая у нас была техника?

Иванов покашлял:

— Это, конечно, верно.

— Надо было сперва заводы строить, которые дали бы деревне машины и тракторы. А теперь они есть у нас. И с каждым годом будет всё больше и больше! И вот время пришло объединить мелкие, разрозненные крестьянские хозяйства в колхозы!

— Вот и я говорю... — начала было Ксения, но муж сердито оборвал её.

— Разрешите мне вопросик, товарищ Дымов, — вдруг сказал Кулуканов.

— Да.

— Колхоз — это, конечно, дело очень даже хорошее, — неторопливо и певуче говорил Кулуканов. — Но вот газеты пишут насчёт добровольности, чтобы перегибов не было...

Иванов перебил:

— А меня, Арсений Игнатьевич, силой в колхоз никто и не загоняет.

— Правильно, мы не принуждением, — сказал Дымов. — Сами вы скоро поймёте, какая это сила — коллективное хозяйство! Разве на мелких наших делянках, товарищи, передовую технику применишь? А как разойдутся тракторы на колхозных землях — какие хлеба зашумят! — Дымов посмотрел на столпившихся у окна детей и улыбнулся. — Вот у кого замечательное будущее!

Иванов вздохнул:

— Машины да тракторы — оно вроде бы и неплохо, только не для наших мест. У нас ведь так: выйдет мужик пахать, обопрётся на соху, глядь — пень, перенесёт через пень соху — снова пень! Покуда полоску пройдёт, рубаха до хребта прилипнет и лошадь мокрые бока раздувает! Где ж по нашим пням машинам ходить?

— А мы с этих пней и начнём, Фёдор Тихонович! Поля раскорчем, болота осушим! Машины-то как раз и помогут.

— Ну, то всё ещё слова, а как на деле получится, ещё подумать надо...

Ксения ядовито шепнула ему:

— А тебе полезно подумать, а то упёрся, как бык! В окно просунулся Потупчик:

— Актив собирается в избе-читальне, Николай Николаевич. Вас ожидают.

Кулуканов поспешно поднялся:

— Пойдёмте к народу, товарищ Дымов.

— А ты-то что здесь делаешь?! — спросил Потупчик, недобро оглядев Кулуканова.

— То не твоё дело, Потупчик, — вступился Морозов. — Кабы моя воля, я бы ему...

Председатель посмотрел на Дымова и пожал плечами: мол, что я вам говорил насчёт умственного расстройства!

— Василий Иванович... — мягко начал Дымов.

Но Потупчик перебил его:

— Почти год на него ни за что батрачил.

— Это ещё доказать надо! — повысил голос Кулуканов.

— Подождите, Кулуканов, — нахмурился Дымов. — Работал он у вас?

— Да как вам сказать...

— Что там — сказать? — вмешалась Ксения. — Вся деревня знает!..

— Что было, то было, — закивал Иванов. — Ты, Арсений Игнатьевич, не отпирайся...

Дымов полуобернул лицо к председателю:

— Вот какие у вас середняки, Морозов!

Кулуканов растерянно шагнул к Дымову:

— Да где записано, что он батрачил у меня, товарищ Дымов? Никакого договора у нас не было!

— Довольно, гражданин Кулуканов! — Дымов стукнул по столу костяшками пальцев. — Отдайте Потупчику всё, что вы должны! А если не знаете, сколько отдавать, тогда мы сами посчитаем! Понятно?.. Пойдёмте, товарищи!

Последним из сельсовета вышел Кулуканов. У крыльца к нему подошёл Данила:

— Что такое стряслось, Арсений Игнатьевич?

Кулуканов не ответил.

— Нет, врѣшь, — шептал он, глядя на Данилу невидящими глазами. — Я себя за горло не дам хватать! Я сам хвачу! — Он наконец увидел Данилу и понизил голос до шёпота: — Убрать его надо!

— Кого?

— Дымова... Два раза стреляли мимо, а в третий раз пуля мимо не пролетит...

К ним подошёл Потупчик и сказал сдержанно:

— За долгом я завтра приду. Больше людей грабить не будешь. Конец твоей силе!

Несколько секунд они молча и враждебно смотрели друг на друга.

Павел и Яков, стоявшие поодаль в группе ребятшек, переглянулись. Яков прошептал:

— Во дела какие, Пашк... Бежим... это самое.. Зое Александровне расскажем...

ТРЕВОЖНЫЙ ВЕЧЕР

Про избу Василия Потупчика недаром говорили, что она «ветром подбита». Ветхие стены её накренились, тесовая крыша сгнила, и, когда на деревню налетала буря, ветер выл на чердаке пронзительно и страшно.

В тот вечер ребяташки долго сидели на крылечке Потупчиковой избы, беседовали о разном.

Смеркалось. Меж избами, над тёмной линией леса медленно бледнела заря. В этот вечерний час в деревне было пустынно и тихо. Только где-то далеко звенела гармошка и слышались тонкие девичьи голоса.

— Ребята, — заговорил Яков, — вот Зоя Александровна давеча говорила, что пионеры... это самое... общественные интересы ставят выше личных. Как это?

— А так: всё отдать для общего дела! — сказал Павел.

— Ну, скажем, у нас в избе-читальне... это самое... скатёрки на столе нету, — значит, я должен свою из дома принести? Да ты знаешь, что мне мать за это сделает?

Все рассмеялись.

— Чудак ты, Яшк! — сказал Павел. — Это же мелочь — скатерть, тут в другом дело... — Он задумался, чуть вздрогнула родинка над правой бровью. — Вот одни люди живут на свете и думают: своя рубашка ближе к телу, человек человеку — волк. Чтоб тебе хорошо было, грызи других, как волк!

— Как Кулуканов, — шепнула Мотя.

— А надо так жить, чтобы не одному тебе, а всем хорошо было!

Ребята притихли. По улице словно бы тень прошла — это двигалась дождевая туча, закрывая небо. В тишине зашелестела от ветра трава, зашумели деревья.

— Пошли в избу, ребята, я лампу засвечу, — сказала Мотя. — А то темно совсем.

Крыльцо опустело. Широкая полоса света упала в открытую дверь и протянулась по двору. Дымов, учительница и Потупчик вошли в эту светлую полосу и остановились.

— Сами видели, Николай Николаевич, — говорил Потупчик, — люди у нас разные. Есть и такие, что хотят в колхоз, да боятся.

— Ну что ж, Василий Иванович, и Москва не сразу строилась. Придёт время — все пойдут в колхоз.

— Так-то так, Николай Николаевич, да хочется, чтобы поскорей! — Он вздохнул. — Я скажу дочке, чтоб ужин собирала.

Потупчик ушёл в избу. Дымов присел на порожек, заглянул в дверь.

— Это что там за собрание, Зоя Александровна?

— Пионерский актив! А вон тот, видите чёрненький, — сын Морозова, Павлик.

— Знаю, знаю... И братишка его, Федя, кажется? В избе нарастали голоса, шум. Отчётливо слышался бас Потупчика: «Не дам, не дам!» На крыльцо пятилась запыхавшаяся Мотя с простынёй в руках. Другой конец простыни был в руках отца. Со смехом ребята высыпали во двор.

— Дочка-то, пожалуй, отцу не уступит, — весело сказал Дымов.

— Мотя, что это значит? — спросила учительница.

— Да ну, Зоя Александровна...

— Что «да ну»?

— Понимаете, Зоя Александровна, какая блажь в голову ей пришла? — сердито пробасил Потупчик. — Говорит, в избе-читальне скатёрки на столе нет, так вот отдай ей последнюю простыню!

— Ай да Мотя! Вот так придумала! — рассмеялся Дымов.

— И ничего смешного нет! — говорила она, тяжело дыша. — Её в красную краску выкрасить — знаете какая скатерть будет!

— Вот и потолкуй с ней, — махнул рукой Потупчик.

Дымов обнял Мотю:

— Положи ты эту простыню на место, Мотя! Мы вам из района скоро пришлём и скатерть, и занавески на окна, и разные картины, и новые книги.

— Вот это да! — восторженно вырвалось у Павла. — А книжку про Чапаева пришлёте?

— Фурманова? Пришлём, Павлик!

— А вы Чапаева видели? — спросил Павлик чуть осипшим голосом. Ему очень хотелось, чтобы этот хороший человек знал Чапаева, о героических подвигах которого рассказывала как-то Зоя Александровна.

— Чапаева не видел, Павлик... А вот Фурманова хорошо знал. Вместе против беляков воевали... Ну, вы тут подождите нас, ребятки, а мы посовещаемся...

Взрослые ушли в избу, а ребята уселись на крыльчке.

С улицы донёлся сердитый женский крик:

— Яшка! Яшка!

Яков слетел с крыльца, словно его толкнули в спину.

— Ой, ребята, пропал! Мать зовёт... Иду-у, маманька!.. — Он перемахнул через забор и исчез в темноте.

— И я побегу... — Клава поднялась. — Как бы и мне не досталось!

Федя вопросительно взглянул на брата:

— Паша, пойдём?

— Иди, иди, братка. Я лозунги возьму у Дымова.

Клава и Федя ушли. Было слышно, как они мягко шлёпали босыми ногами по пыльной дороге.

— Паш, — проговорила Мотя.

Павел сидел неподвижно, облокотившись на колени и положив подбородок на ладонь.

— Паш...

— А?

— Ты про что думаешь?

— Да так...

— А я тоже люблю думать... Про всё, про всё! Знаешь, когда хорошо думается? Когда спать ложишься... Правда? А тебе сны снятся?

— Снятся.

— Мне раз приснилось, что в Герасимовке дома стеклянные и электричество.

— Электричество и на самом деле будет. Зоя Александровна говорила... Вот только колхоз сначала надо... Только домов стеклянных не будет — побьются...

Мотя глубоко вздохнула, помедлила.

— Паш, а один раз... ты мне приснился.

— Я?

— Ага... А я тебе никогда не снилась?

— Не... — подумав, ответил он.

Вдали глухо зашумела тайга. Сильный порыв ветра внезапно налетел на деревню. Острая молния вспыхнула и погасла, словно опущенная в воду; вдали неясно зарокотал гром.

На огороде, неистово захлёбываясь, залаял пёс.

— На кого это Кусака? — Мотя поднялась, придерживая на коленях трепещущее платье.

Она исчезла за избой, но Павел слышал её тоненький, уносимый ветром голосок.

— Кусака, Кусака! На, на! Кому говорю, Кусака!

В небе снова загромыхало. Девочка подбежала к крыльцу.

— Кто бы это был, Паш? По огородам пошёл, быстро так...

— Не хромает? — спросил Павел.

— Да разве ж разберёшь в темноте?

На крыльцо вышли взрослые.

— На вот тебе лозунги, — сказал Дымов и протянул Павлику листок. — Прямо с завтрашнего утра и начинайте...

Павлик перелез через плетень, оглянулся, махнул рукой и побежал. А во дворе Потупчика ещё долго толковали о колхозе, о Кулуканове, о разных деревенских делах. Потом пошёл дождь. Мотя выбежала на середину двора и, запрокинув голову, стала ловить холодные капли.

— Дождик, дождик, припусти...

К ней, поёживаясь, подошёл Дымов.

— Хорошо как! — Он глубоко вдохнул похолодавший грозовой воздух. — Вот и у меня такая растёт, — задумчиво, ни к кому не обращаясь, сказал он.

— А как зовут вашу дочку? — спросила Мотя.

— Как зовут?.. — рассеянно переспросил, но так и не ответил, занятый какими-то своими мыслями. — А правду говорят, Василий Иванович, что Морозов бил сына, когда он в пионеры записался?

— Пашку-то? Люди говорят, бил...

— А мальчик он, кажется, славный.

— Очень душевный парень, не в отца пошёл!

Над самыми их головами оглушительно ударил гром, дождь тугими струями захлестал по двору. Мотя и Дымов, смеясь, схватившись за руки, побежали в дом.

И долго Мотя не могла в ту ночь заснуть и всё думала, думала. И казалось ей, что скоро, совсем скоро всё у них — и у неё и у Павлика, у ребят и у взрослых — пойдёт по-новому, совсем будет жизнь хорошая...

НОЧНОЙ ГОСТЬ

Татьяна сидела у окна, вглядываясь в темноту и кутаясь в шаль.

— И где его носит в такую непогоду!..

— Чего, маманька? — откликнулся Федя из соседней комнаты. — Паша с Дымовым, наверно.

— Вон ведь дождь какой зарядил.

Скрипнула дверь. Она быстро повернулась к порогу, но это вошёл Кулуканов.

— Где Трофим? — спросил он глухо, не здороваясь.

— В сельсовете.

— Я подожду.

— Садитесь.

Татьяна ушла в соседнюю комнату укачивать захныкавшего Романа.

Кулуканов снял картуз, отёр с лица воду, пере-

крестился и сел к столу, подперев ладонями голову. Долго просидел так, вздрагивая при звуке шагов, изредка доносившихся из-за окна.

В избу быстро вошёл, почти вбежал запыхавшийся Данила:

— Дядь Трофим!..

Кулуканов опустил руки.

— В сельсовете. Заработался! — тихо, со сдержанной злостью произнёс он. — Нагнал на него Дымов страху. — Он медленно поднялся. — Дрянь дело, Данила!

— А чего?

— А того!.. Не должно быть завтра собрания! Потому конец тогда! Понимаешь? Конец!

— А что сделаешь?

— Придумать надо такое, чтоб собрания не было завтра. Только с Трофимом теперь не договориться, наверно. Запуган!

— Захаркина арестовали, вот и боятся.

— Самим бы нам придумать что-нибудь!

— Не знаю...

Неслышно ступая, Кулуканов подошёл к двери, что вела в соседнюю комнату, и прикрыл её. Так же тихо вернулся к Даниле, прошептал:

— Убрать бы Дымова!

Данила молчал, сосредоточенно сдвинув брови.

— Слышишь, Данила?

— Можно убрать, Арсений Игнатьевич... — нерешительно сказал он.

— Сделай, Данилушка! — Кулуканов схватил его за плечи, потряс. — Сделай!

— Не я... — качнул Данила головой. — Есть такой человек. С Кубани переселённый.

— Сегодня надо! Ведь одна ночь осталась! Ежели решит завтра собрание в колхозе жить, тогда поздно будет.

— А человек этот здесь... У нас на огороде. Ему, Арсений Игнатьевич, всё нипочём! Бежать он с Урала хочет. И наган у него есть.

— Данилушка!

— Ему бы только удостоверения от Трофима получить. Обещал Трофим... Он тогда сегодня же из района уберётся. Сделает — всё шито-крыто, никто не дознается...

Кулуканов снова потряс Данилу за плечо:

— Как он с Трофимом повидается, сразу же приведи его ко мне... Где он сейчас, Дымов-то?

— У Потупчика.

— Прямо через окно — и концы в воду! — Кулуканов сжал кулак, резанул им воздух. — Ночь как раз подходящая.

Он долго надевал трясущимися руками картуз и наконец ушёл. Данила походил по избе, заглянул в соседнюю комнату.

— Ты Пашу не видел? — спросила Татьяна.

— Только мне и дела, что за ним смотреть!

Скоро явился Трофим Морозов:

— Ты чего здесь сидишь?

Данила шепнул ему на ухо:

— Хромой пришёл...

— Уйди, уйди ты, бога ради, со своим хромым!

— Да ведь ты сам обещал, дядя Трофим!

— Не вовремя пришёл...

— Ведь восемь тысяч, дядя Трофим!

Трофим не ответил. Молча сел на лавку, расстегнул ворот. Ему вдруг стало душно. Восемь тысяч!.. В его воображении рисовались стопки хрустящих под пальцами зеленоватых и розоватых бумажек. Деньги... много денег! Он потёр ладонью вспотевшую шею, рывком поднялся:

— Татьяна!

Жена откликнулась из соседней комнаты:

— Ну?
— Возьми детей и ступай к деду.
— Дождь вон какой!
— Идите! — зло крикнул Трофим. — Дела у меня, мешать будете. Быстро только, одним духом.
Он снова потёр шею: «Восемь тысяч...»
— Пойдём, Данила. Ты води его в избу, а я погляжу, нет ли кого на улице.

Они ушли, хлопнув дверью.

Татьяна отвела сонных Романа и Федю к деду и сейчас же вернулась домой. Павел сидел за столом и жадно ел хлеб, запивая молоком.

— Тебя что ж, хворостиной домой надо загонять? Идём к деду.

— Зачем?

— Отец велел. Идём скорей, а то придёт — осерчает.

Павел стоял не двигаясь, занятый своими мыслями.

— Кому говорят?

Павлик привстал, огляделся и подошёл к матери.

— Маманька... К нему хромой кулак с Чернушки придёт?

— Пашутка, сынок, не трогай ты отца, не путайся в его дела! Слышишь, сынок? Сердце у меня болит, прибьёт он тебя!

Мальчик увидел перед собой бледное лицо матери, её встревоженные, усталые глаза, и ему вдруг стало жалко её. Она потрогала его лоб:

— Постой, да ты что горячий такой? Заболел?

— Не знаю...

— Ох, горе какое! — вздохнула Татьяна. — Ты уж не ходи никуда. Совсем промок! Раздевайся и ложись.

— Да я ничего, маманька.

— Ложись, ложись... — говорила она, подсажи-

вая сына на печь. — Ну, вот так. А я потом приду, горячим чаем напою. Спи, сынок.

— А папанька?

— Ничего, ничего, ты спи... Спи, милый!

Татьяна ушла. Павел закрыл глаза, потом снова открыл, поворачиваясь на печи. Его знобило. Мысли в голове такие страшные, неясные, перепутанные — не поймёшь, что делать... Да, что делать?

Мальчик слез с печи, накинул отцовскую куртку, вышел на крыльцо. Дождь монотонно шумел вокруг. Вспыхивала молния, и в её свете видно было, как под ветром гнутся верхушки деревьев. Павел поёжился. С крыши за шиворот потекла холодная струйка. Он пробежал по двору и присел за сараем. Глаза привыкли к темноте, и теперь ему хорошо было видно крыльцо.

Сначала с улицы прошёл отец, согнувшись и шлёпая по лужам сапогами.

«Опять пьяный», — подумал Павел.

Прошло несколько томительных минут. Со стороны огорода внезапно появился высокий человек в дождевике. Прихрамывая, незнакомец медленно прошёл мимо притаившегося мальчика и исчез в избе.

Павел поднялся. Что делать? Теперь его знобило ещё больше. Он вбежал в сени, прислушался, приоткрыл дверь. Ветер едва не вырвал её из рук.

В первой комнате было пусто. Приглушённые голоса доносились через полуоткрытую дверь, которая вела в другую комнату. Наверно, отец и хромой там.

Павел скользнул на печь и забился в угол. Ветер играл дверью.

— Кто там? — услышал он глухой голос незнакомца.

Отец вышел в комнату, захлопнул дверь.

— Ну и буря! — сказал незнакомец.

— Промок?

— Есть малость. Такой дождь, что дух захватывает.

— Вот я тебя согрею...

Павел слышал, как отец открыл дверцы шкафчика, достал бутылку, налил в стаканы.

— За ваше здоровье, Трофим Сергеевич!

На крылечке застучали торопливые шаги. Кутаясь в шаль, в избу вбежала Ксения.

— Таня!

— У-у, дьявол, испугала!.. — вскрикнул отец. — Нету Тани... Чего тебе?

— Соли надо. — Ксения отряхнула мокрую шаль. — Не успела в кооператив сбегать.

— Не знаю, где у неё тут соль.

Она помолчала.

— А ты всё гуляешь, Трофим?

— Не твоя это забота, Ксения! — глухо сказал он.

— Со своими пил, теперь с чужими начал?

— Тут чужих нету.

— Я вижу, тебе все свои!

Она накинула шаль, круто повернулась и вышла из избы.

— Кто такая? — обеспокоенно спросил хромой.

— Соседка... За солью приходила.

Они выпили водку.

— А что там за дом напротив вашего? Не кулукановский?

— Его... А ты откуда знаешь?

— Зайти просили. Есть одно дельце весёлое... Ваш племянник меня у Кулуканова дожидается.

— Ты не очень тут расхаживай! Это тебе не Кубань!

— Эх, Кубань, Кубань! — вздохнул гость и, помедлив, спросил: — Так как же, Трофим Сергеевич?

— Чего?

— Насчёт удостоверений.

Трофим с минуту помолчал.

— Ты пойми, мне это может жизни стоить, — наконец заговорил он тихо.

— Так мы ж заплатим, Трофим Сергеевич.

— А меня за решётку посадят, и никаких разговоров... Понял?

Отец щёлкнул замком портфеля, полистал какие-то бумажки.

— Ну ладно... Вот они, удостоверения, гляди... А тут я пропуск сделал, сами фамилии впишете, какие хотите.

Наступило молчание. Должно быть, незнакомец читал.

— Хорошие удостоверения, Трофим Сергеевич.

Отец негромко рассмеялся:

— С такими удостоверениями хоть в Москву уезжай, в самый Кремль.

Незнакомец ответил не сразу, а когда заговорил, в его низком, глуховатом голосе слышалась такая злоба, что Павел вздрогнул.

— Это мы знаем, куда ехать надо!

Снова наступило молчание. Отец заворочался на заскрипевшей скамье и спросил чуть удивлённо:

— И много там вас, на Чернушке... таких, как ты?

— Да нет...

Мальчику показалось, что гость горько усмехнулся.

— Есть и такие, что не прочь уже по-советски жить... Из молодых... Колхоз свой устраивать будут. — Незнакомец вдруг ударил себя в грудь кулаком. — Только это не для тех, у кого огонь душу печёт!..

Он сложил удостоверения и спрятал их в карман.

— Добре! — сказал он. — А вот они и гроши. Получи, Трофим Сергеевич...

Мальчик перевёл дыхание. Его больше не знобило. Было жарко, и лицо горело так, словно он лежал в крапиве. Неожиданно для самого себя он вдруг соскользнул с печи и крикнул срывающимся голосом:

— Папанька!.. Что делаешь, папанька!

Мальчик видел, как метнулся в угол незнакомец в мокром дождевике. Отец испуганно привстал:

— Пашка?

— Что ты делаешь?! — Павел всхлипнул.

— Ну ладно, ладно... — опомнился наконец Трофим.

— Чем торгуешь, папанька! Совесть у тебя где?..

— Молчи!

— Не буду я молчать, папанька! Не буду, не буду молчать!

Трофим вскочил, уставился на сына странно побледневшими от ярости глазами:

— Я тебе покажу, как ты не будешь молчать!

Он бросился к сыну, одним ударом сшиб его с ног.

Широко распахнулась дверь, в избу ворвались шум дождя и свист ветра. Через порог переступила Ксения. Следом за ней шли Дымов и Потупчик.

— Брось хоть сына мучить! — вскрикнула Ксения, бросаясь к Павлу. — Зверь!

— Товарищ Дымов... — растерянно произнёс Трофим, всё ещё продолжая держать Павла за плечо.

— Отпустите мальчика, Морозов! — сухо сказал Дымов.

— Отца не слушается, товарищ Дымов...

Ксения помогла Павлу подняться.

— Это она всё наврала вам, товарищ Дымов, — заплетающимся от страха языком заговорил Трофим. Лицо его посерело. — Всё по злобе, товарищ Дымов! Шпионить приходила... Будто за солью... Заговорничают они против меня, потому что я линию партии держу... Сына даже против меня настроили!

— Хоть на сына не ври, Трофим Сергеевич! — сказал Потупчик.

Дымов внимательно посмотрел на хромого:

— Предъявите документы, гражданин.

Хромой передёрнул плечами:

— По какому такому праву документы спрашиваете? Кто вы такие есть?

— Советские люди! — рванулся к нему Потупчик. — Понятно? И хотим знать, кто тут промеж нас путается.

— Нема у меня документов.

— Обыскать бы его надо, Николай Николаевич, — сказала Ксения.

Хромой вдруг плечом оттолкнул её и рванулся к двери.

Дымов выхватил из кармана пистолет:

— Стоять!

Хромой остановился, тяжело дыша, криво усмехнулся:

— Нема у меня ничего...

Потупчик быстрым движением сунул руку в карман его дождевика и вытащил наган.

— А про эту игрушку забыл? Вот какие у нас гости, Николай Николаевич.

— Зачем вы пришли в Герасимовку? — спросил Дымов, не спуская с него глаз.

— Гроза загнала... Бачите, яка погода! — Он попятился к стене, заложив руки за спину, и бросил под лавку скомканные удостоверения.

— Неправда, — очень тихо сказал Павел. — Смотрите, вон он бросил... товарищ Дымов, смотрите... эти удостоверения...

Трофим затряс головой, крикнул:

— Врёт он!

— Эти удостоверения... папанька даёт за деньги выселенным кулакам.

Трофим опустился на скамейку:

— Отца продаёшь, поганец!

Павел с трудом сказал:

— Это ты... советскую власть продаёшь, папанька!

Павел силился ещё что-то сказать, но так и не смог. Его трясло. Дымов притянул к себе мальчика и обнял его. Павел задохнулся от прорвавшихся наконец рыданий.

— Николай Николаевич... — шептал он. — Николай Николаевич... я...

Дымов неловко и торопливо гладил его по голове, по спине и тихо говорил:

— Не надо, Павлик... Ну не надо, мальчик... Ты ведь... пионер!

За окном шумела гроза, вспыхивали и гасли синеватые молнии, и удары грома сыпались на деревню часто и глухо.

ЗАГОВОР

Кулуканов осторожно стукнул в окно деду Серёге. На стук вышел Данила:

— На огороде дедуня, Арсений Игнатьевич.

— Покличь быстрее! Комиссия по деревне пошла!

— Какая комиссия?

— Колхозная... Имущество описывает!

Данила тихонько свистнул, лицо его вытянулось.

— Ну-ну? Кто в комиссии-то?

— Голодранцы всякие! — зло сказал Кулуканов. — А за главного у них новый председатель сельсовета — Потупчик! А с ним ещё Ксенька Иванова... Шитракова сейчас описывают. Думаю, ко мне сегодня не доберутся. А завтра-послезавтра и меня опишут... Голытьба! По-новому жить захотели!

Данила растерянно смотрел на Кулуканова.

— А всё Дымов наделал, Арсений Игнатьевич... С того собрания и началось всё. — Он сжал кулак. — Эх, не успели мы тогда убрать его! А теперь в райкоме сидит — не достанешь! Из-за Пашки проклятого сорвалось тогда с хромым!

— Не в Дымове теперь дело... — Кулуканов махнул рукой. — Вся деревня словно рехнулась. Подавай колхоз им, голоштанникам!.. Покличь Серёгу быстрее! Мысль одна есть...

...Комиссия проходила мимо двора Морозовых.

— Я к Татьяне забегу, — сказала Ксения Потупчику.

— Быстреей только, — сказал он сурово.

Потупчик ещё не привык к своему новому званию, не всегда умел найти нужные слова, когда разговари-

вал с односельчанами. Порой он казался грубоватым, но на самом деле по натуре он был мягок и податлив, и никто не боялся его строгого тона. Потупчик посмотрел вслед убегающей Ксении и прибавил:

— Слышишь, что сказал? Быстрее. Силиных сейчас описывать будем.

— Я одним мигом, Василий Иванович.

Татьяна возилась в избе у печки.

— Здравствуй, Таня! Я к тебе на минутку... — Ксения помолчала, участливо глядя на подругу. — Ты картошку окучила?

Она тихо ответила:

— Паша с Федей окучивают...

Они вышли на порог, сели на крылечке.

— Тяжко тебе, Таня?

— Да нет, ничего... — вздохнула Татьяна.

Ксения обняла ее:

— Ой, не говори, мне же видно... На людях не бываешь... Всё одна да одна.

— Работы много.

Ксения поглаживала подругу по плечу:

— А ты не убивайся, Таня... Слышь? Не мучай сама себя...

— Да разве могу я? — не выдержала Татьяна. — Как людям в глаза смотреть?

— Таня...

— Молчи! — резко сказала Татьяна, смахивая со щеки слезу. — Вот вышла замуж, думала — человек хороший, глядела на него и думала — лучше нет! Гордилась я им, Ксения... Доверие какое народ оказал! Председатель сельсовета! Подумать только! А он... — Татьяна снова всхлипнула и закрыла лицо руками.

— Таня...

— И за Пашутку болею... — продолжала Татьяна. — Ты погляди на него, как извёлся мальчишка...

Громыхнув калиткой, во двор вошёл Иванов. Он

был чем-то возбуждён, ступал широко, размахивал руками.

— Ксения! — крикнул он так громко, что с забора слетела и закудахтала перепуганная курица.

— Ты чего? — поднялась жена.

— Эх вы, комиссия, курам на смех! Ходи теперь за вами да проверяй!

— Да чего ты злишься-то?

— Языком только чесать можешь! — не унимался он. — А глаза на затылке... Дымов-то на собрании что говорил? Глядеть в оба надо!

Она смотрела на мужа, и в уголках её глаз теплилась ухмылка:

— Федя, ты объясни толком, что стряслось?

— Где Потупчик? Что вы все у Шитракова смотрели? Смотрели, смотрели, а веялку не заметили!

— Какую веялку? Шитраков сказал, что продал её.

— Продал!.. На гумне в соломе спрятал! Это же не грабли — веялка! Как ещё пригодится в колхозе!

Ксения всплеснула руками.

— Вот ведь мошенник!.. Пойдём скорее, Федя! Вишь, дела какие! — взволнованно бросила она Татьяне уже на ходу.

Татьяна задумчиво смотрела им вслед.

...Вечером, передав Якову дежурство в избе-читальне, Павел побежал домой. На улице толпились девушки и парни, и он чувствовал, что его провожают взглядами, перешёптываются.

С тех пор как народный суд приговорил Трофима Морозова к десяти годам тюрьмы, Павел нигде не мог пройти незамеченным. Тяжело было чувствовать на себе эти постоянные любопытные взгляды. Ребята замечали, что осунувшийся Павел стал молчаливее, словно повзрослел сразу.

Павел добежал до своего двора и вдруг остано-

вился озадаченный: калитка была заперта. Он потрогал пальцем большой медный замок и решительно полез через забор.

Дверь в избу была открыта, оттуда доносились голоса.

У двери Данила курил самокрутку. Злобно скривил губы, взглянув на Павла.

В углу сидела мать с Романом и Федей, а посреди избы стоял дед Серёга, обеими руками опираясь на палку. Он что-то хрипло говорил — было видно, как шевелились кончики его седых усов.

Павел переступил порог, сказал нерешительно:

— Здравствуй, дедуня!

Дед не ответил, даже не обернулся. Данила процедила сквозь зубы:

— С коммунистами не разговариваем!

Павел, бледнея, шагнул к деду:

— Дедуня...

Но дед, казалось, не замечал и не слышал внука. Из-под нависших белых бровей он в упор смотрел на Татьяну:

— Ну, отвечай, невестка!

Татьяна слабо покачала головой:

— Не знаю...

Серёга стукнул палкой:

— Что не знаешь? Комиссия уже по деревне ходит.

— Ну так что ж?

— Записывают, кто чего в колхоз сдаёт.

— Шитракова уже раскулачили, — сказал Данила.

— Меня не раскулачат... нечего, — вздохнула она.

— Не о том речь... — снова пристукнул палкой дед Серёга. — Я за старшего остался, мужа у тебя теперь нету. Слышишь? Как сказал, так и быть должно! Надо наше хозяйство объединить, а забор между дворами уберём.

Горькое негодование охватило Павла. Так вот зачем пришёл дед Серёга! Хозяйство прибрать к своим рукам хочет! Ведь объединиться с дедом Серёгой — значит в батраки к нему пойти. Вся деревня знает, какой он жила. И Данилкины мысли ясны: небось думает, дед помрёт скоро, а он, Данила, хозяином станет. Он и раньше хвастался, что будет жить богаче Кулуканова.

Мальчик хмуро взглянул на двоюродного брата, отошёл в сторону и негромко проговорил:

— Маманька, не объединяйся... В колхоз вступим...

Все молчали. Лишь Федя зашевелился возле матери, зашептал ей на ухо:

— Маманька, в колхоз вступим!

Дед Серёга тяжело качнулся, кашлянул:

— Так как же, Татьяна?

Все смотрели на неё, ожидая решающего слова. И она сказала тихо, сделав головой чуть заметное движение в сторону Павла:

— Ему видней... Он теперь за хозяина остался.

— Ну-ну... — выдохнул дед. — С голоду подохнете!

Он круто повернулся и, стуча палкой, вышел вон. Данила, кривя лицо, погрозил кулаком:

— Мы с тобой ещё посчитаемся. Коммунист какой!

Татьяна привстала, гневно краснея:

— А ну, проваливай!..

Данила выплюнул самокрутку и, бормоча что-то под нос, сбежал с крыльца. Павел проводил его взглядом, спросил:

— Кто на калитке замок повесил?

— Это дед запер, — недовольно сказал Федя. — Приказал с сегодняшнего дня через его двор ходить. Данилка говорит, что теперь у нас одно хозяйство.

Павел вспыхнул:

— Новое дело! Пускай и не думает! Замок я всё равно собью!

Он снял с полки молоток, выскочил наружу.

Татьяна неподвижно сидела, прижимая к себе маленького Романа. Правильно ли она поступила? Может быть, не будет в деревне колхоза, о котором так хорошо рассказывает Ксения? Да и каким будет этот колхоз? Как жить? Разве по силам одной кормить и одевать детей? Пашка, правда, подрастает, помогает

уже по хозяйству, но всё-таки ведь он ещё мальчонка. Ах, Пашка, Пашка!..

Татьяна встрепелась. В открытые двери из синих сумерек донёлся пронзительный крик. Холодея и дрожа, Татьяна вскочила, усадила на пол заплакавшего Романа, выбежала на крыльцо.

У забора Данила бил вырывавшегося Павла.
— Стой! — гневно закричала она. — Стой, проклятый!

Бросилась к сараю, непослушными трясущимися руками схватила жердь. Данила отпустил мальчика, влез на забор.

— Я ещё не так твоего пионера... — Он не договорил и спрыгнул на свой двор. Жердь гулко стукнула по верхушке забора.

...Было уже совсем поздно, когда освободившийся от всех дел Потупчик зашёл к Татьяне.

— Вечер добрый, Татьяна Семёновна! Как живёшь?

— Помаленьку.

— А как насчёт колхоза думаешь?

— Мы вступаем, Василий Иванович. — Она кивнула на детей и открыто посмотрела ему в лицо. — У меня теперь другой жизни нету.

Он посмотрел в окно на избу деда Серёги.

— А эти?

— Эти? Эти не пойдут.

— Ну, и без них обойдёмся! — сказал он с сердцем. Татьяна вздохнула:

— Чего только мне в колхоз отдать? Совесть перед людьми будет, Василий Иванович... Плуг, борона да кур пять штук.

— Кур не надо, Татьяна Семёновна, — усмехнулся Потупчик. — Куры — это твоя личная собственность. А плуг и борона — хорошо. Хозяйство, я думаю, соберётся! У кулаков заберём инвентарь всякий. Чего

с ними церемониться, раз они нашими, батрацкими руками богатство наживали! А они за своё богатство цепляются! Шитраков вон веялку спрятал!

— Я слышала.

— Ты скажи, что в сельсовет не заходишь?

— Да что ж без дела заходить, Василий Иванович! Беспокоить только.

— А ты не стесняйся. Мне Ксения про тебя весь день сегодня твердит... Может, тебе неловко или ещё что? Я ж понимаю... Ты заходи, ежели что надо.

— Спасибо, Василий Иванович...— Её глаза наполнились слезами.

— Заходи, заходи...— Он закашлялся, неловко затоптался на месте. — Эх ты, делов сколько навалило сразу, Татьяна Семёновна: и кулаков раскулачивать, и хлебозаготовки выполнять!..

Когда Потупчик ушёл, на соседнем дворе раздался громкий шёпот Данилы:

— Унесли черти Потупчика, Арсений Игнатьевич! Из избы вышли Кулуканов и дед Серёга.

— Пришло времечко — по своей деревне как затравленный ходишь! — шептал Кулуканов озираясь. — Так вот, значит, так, Серёга: чтобы хлеб у меня на хлебозаготовки не забрали, я его как-нибудь ночью к тебе переправлю... Ты, Данила, яму поглубже в сарае выкопай... У вас, я думаю, искать не станут. Третью хлеба возьмёте себе с Данилкой за это.

— Спасибо, Арсений Игнатьевич... Значит, ночью?

— Ночью! Чтоб ни одна живая душа не видела!

ТАИНСТВЕННОЕ ПИСЬМО

Шла вторая половина августа, но уже по-осеннему начали желтеть осины и берёзы. По утрам с недалёкого болота на деревенскую улицу вползал густой

белый туман. Он медленно плыл мимо окон, а когда пригревало солнце, расползлся в воздухе.

Однажды в такое утро в Герасимовку пришла неизвестная старуха. Высокая и худая, закутанная в старую шаль, она медленно брела вдоль забора. Собаки лениво лаяли ей вслед.

Иногда старуха останавливалась у ворот, стучала в доски клюкой и долго крестилась, когда ей подавали краюху хлеба.

Никто не обратил бы внимания на появление нищенки, если бы со времени её прихода в деревне не начали твориться очень странные вещи.

...На двенадцать часов дня в избе-читальне была назначена репетиция пионерского драмкружка. Под руководством Зои Александровны пионеры готовили к началу учебного года небольшую пьесу, которую сочинили коллективно.

Вначале на сцене появлялся с наклеенной бумажной бородой Яков. Кряхтя и сутулясь, он садился перед зрителями и рассказывал о том, что его, старого батрака, совсем одолели кулаки. Когда он, закончив говорить, печально опускал голову, к нему подходил другой «батрак» с такой же бумажной бородой — Василий Слюсарев, парнишка с визгливым, тонким голоском. Он хлопал Якова по плечу и говорил, что таким людям, как они, только один путь — в колхоз.

Потом появлялись толстые «кулаки», со страшными, вымазанными сажей физиономиями. Их роли исполняли самые младшие ребята, потому что старшие наотрез отказались играть кулаков. Придерживая руками подушки, спрятанные под рубашками, они наступали на «батраков» и свирепо выкрикивали песенку, придуманную Мотей Потупчик:

Вы батрачите на нас,
Мы в колхоз не пустим вас!

В конце спектакля на сцене с красным флагом появлялись «рабочие». «Кулаки», завидев алые полотнища, в ужасе убегали. А «батраки» обнимали «рабочих» и хором пели:

Мы в колхоз идём, идём,
К жизни радостной придём!

Репетиции проходили вполне успешно, и Зоя Александровна сказала, что на утренник надо пригласить всех герасимовских бедняков и середняков.

В спектакле участвовало несколько саковцев. Бывшие дружки Петра давно покинули своего главаря, и теперь он почти перестал показываться на улице.

В тот день, когда должна была состояться генеральная репетиция, к двенадцати часам пришли только Павел и Мотя с Клавой. Остальные участники спектакля не явились и в половине первого и в час.

Это было невиданным нарушением дисциплины. Недоумевающая Зоя Александровна долго смотрела в окно на пустую улицу.

— Ребята, разузнайте, в чём дело, а я пока посмотрю, как вы заметки в стенгазету написали.

Решили сперва пойти к Якову. У его избы Павел посвистал. В окне, между двумя банками герани, показалась Яшкина голова. У него были такие испуганные глаза и он выглядел таким жалким, что Клава шепнула Павлу:

— Заболел, наверно...

Яков делал странные движения руками, и они сообразили, что он просит их идти на огород, за сарай.

— Ну что? — раздражённо спросил Павел, когда все собрались за сараем.

— Ребята, — виновато начал Яков, — меня мать не пустила...

— Не ври! Всегда пускала!

— Всегда пускала, а теперь нет... Вот гляди, что она нашла сегодня в сенцах...

Яков протянул скомканную бумажку. Это был листок из ученической тетрадки в клеточку, исписанный корявыми буквами:

«Во имя отца и сына и святого духа... Был слышен во святом граде Иерусалиме голос господень, и сказал господь: кто в колхоз пойдёт, не будет тому благословенья. Перепиши письмо это семь раз и отдай соседям своим. Аминь».

— Мать прочитала и давай плакать, — продолжал Яков, — а мне сказала, что если из пионеров не выпишусь, так голову оторвёт. А потом сказала, чтобы я переписал семь раз...

— Ну, а ты?

— Чего — я? — помедлил Яков.

— Переписал?

Яков вздохнул и не ответил.

— Ну? Чего молчишь?

Яков прошептал чуть слышно:

— Переписал...

— Зачем?!

— А если... это самое... правда?

— Дурак!

Мотя тихо ахнула:

— Яша! Да разве настоящие пионеры в бога верят? Это ж только от некультурности.

Яков шмыгнул носом:

— Да, а мать-то дерётся... К соседям вчера ходила, там тоже такие записки нашли.

Клава вдруг всплеснула руками:

— Ой, так это же нищенка! Ну да! Я сама видела, как она у соседей Христа ради просила и что-то в сени бросила. Я тогда даже подумала: что это она бросает?

Павел молчал, соображая.

— Пошли-ка в избу-читальню. Надо подумать, что делать. Эх, задержать бы эту нищенку! А теперь ищи ветра в поле.

В избе-читальне ребята застали Зою Александровну и Федю. Они читали стенгазету.

— Кто писал эту заметку «Сдадим хлеб родному государству»? — спросила Зоя Александровна.

— Я, — сказала Мотя.

— Тут написано «здадим».

— Вот так написала! — пропищал Федя.

— А ты-то откуда знаешь, как надо! — огрызнулась Мотя. — Во втором классе только учиться будешь... Я сейчас поправлю, Зоя Александровна.

Павел протянул учительнице скомканный листок:

— Зоя Александровна, поглядите, что нищенка по деревне разбросала.

Учительница быстро пробежала записку глазами

— ... — зялась:

— А кая глупость!

— Зоя Александровна, — сказала Мотя, взглянув на Якова, — а есть которые уже переписали по семи раз!

Яков густо покраснел.

Зоя Александровна быстро пробежала глазами листок.

— Всеми средствами пользуются враги, ребята! Знают, что ещё тёмных людей много... Вот что... Даю вам боевое пионерское задание: надо все эти записки собрать по дворам. А я напишу об этом в газете. А потом ещё на собрании расскажем... Пошли!

Неподалёку от избы-читальни, посреди улицы, с гармошкой в руках стоял Данила, окружённый приятелями. Увидев учительницу, ухмыльнулся, выплюнул дымящуюся папиросу:

— Наше вам с кисточкой, Зоя Александровна!

— Всё балагуришь? — сухо сказала она. — Я вот что хотела сказать тебе, Данила: ты не обижай Павлика! Мне передавали, что ему от тебя прохода нет.

— Наговоры, — усмехнулся он, перебрасывая всхлипнувшую гармонь с руки на руку.

— Смотри! Услышу ещё раз — в милицию сообщу.

— Что вы, Зоя Александровна! Я скоро приду к вам в комсомол записываться. Вы, говорят, комсомольскую ячейку организуете?

— Ну, неужели придёшь? — сердито сказала она. — А тебя в комсомоле ждут не дождутся!

Данила глуповато хохотнул, глядя вслед удаляющейся учительнице, растянул запевшую на все лады гармонь.

У КОСТРА

Под воскресенье ребята пошли на озеро удить рыбу. Запаслись едой, прихватили тёплую одежду, решили ночевать на берегу. До озера несколько

тров. По дороге девочки пели песни, бегали между деревьями, пугая белок, аукались. Они шли без сетей и удочек — какие из девчонок рыболовы! Взяли их, чтобы за костром следили да уху варили.

Одна Мотя несла удочку на плече. Она даже стрелять из ружья умеет: отец выучил.

Был погожий день. Солнце, уже не знойное, но ещё яркое, плыло над тайгой, пробивалось светлыми пятнами сквозь чащобу и бурелом, сверкало на полянке.

Павел и Мотя шагали позади всех, о чём-то совещаясь. Яков обиделся, что его не позвали, потом зашептался с ребятами. Они остановились под старой сосной и вдруг нестройно запели:

Тили-тили тесто,
Жених и невеста!
Тили-тили тесто,
Жених и невеста!

Со смехом сбежались девочки. У Моти мелко задрожали губы.

— Сами вы женихи! — Она расплакалась.

Девочки стали её успокаивать:

— Брось, Мотя, да они же просто так, балуются...

Мотя всхлипывала:

— Они думают... как идём вместе, так значит... жених и невеста... Дураки! Все пионеры... дружить должны!

Павел, красный, подошёл к Якову:

— Это ты придумал?

— Ничего не я... А у тебя... это самое... секреты от нас завелись?

— Дурень, а ты знаешь, про что она говорила?

— Про что?

— Вот не скажу.

— Это почему же?

— А потому что ты дурак.

Якова мучило любопытство, но виду он не подал и до самого озера шёл рядом с Павлом, посвистывая и балагуря: хотел загладить вину. Но так ничего и не дождался от Павла. Пришли на озеро, а тот словно и вовсе забыл о разговоре.

Разъехались на лодках ловить рыбу и купаться. Вода в озере холодная, чистая. Если всмотреться, можно увидеть илистое дно, зелёные водоросли, мелких рыбёшек. Летом из разных лесных деревень на озеро приходит много рыболовов, и на его берегах по ночам горят костры, будто в огромном цыганском таборе. Озеро большое, всем места хватает.

Яков раньше всех вернулся к костру, у которого хлопотала Клава — она варила уху. Он свернулся у костра и задремал. Павел окликнул его с лодки:

— Яшк!

— Спит он! — крикнула Клава. — Хоть стреляй над ухом — не проснётся.

Павел выбрался из лодки, присел возле Якова.

— Яшк!

— Не разбудишь! Его мать жаловалась в прошлом году: утром, говорит, в школу не добудишься.

Павел запел над ним:

Зыбаю, позыбаю,
Пошёл отец за рыбою,
Мать — пелёнки полоскать,
А я Яшеньку качать...
Аа-а... а-а...

— Что ни делай, всё равно не проснётся, — смеялась Клава.

Павел запел громче:

Зыбаю, позыбаю,
Пошёл отец за рыбою,
Мать — пелёнки полоскать,
А я за волосы таскать!

Он дёрнул приятеля за волосы. Яков взвыл и про-
снулся:

— Ну, знаешь... это самое... за это можно и по уху
дать! ✶

— Вот здоров спать! — расхохотался Павел.

— Перебил ты мне, Пашк, сон интересный. Будто
мать клюквенное варенье варит... А сахару, сахару
положила! И пенка так и накипает! Мать говорит:
«Кушай, Яшка, пенку». Я ложкой-то зацепил пенку, а
съесть так и не успел: ты как раз тут за волосы дёрнул.

— А на болоте уже клюква розовеет, — сказала
Клава. — Видимо-невидимо!

— Айда, сходим в то воскресенье, — предложил
Павел. — Как раз созреет.

— Нельзя в то воскресенье, — сказал Яков. —
Зоя Александровна говорила, что третьего сентября
утренник. Будем рожни сажей красить.

— Если на зорьке встать, то к утреннику как раз
поспеем.

— Не люблю я на зорьке вставать, — зевнул
Яков. — А может, в этом году ещё и не будет в нашей
школе пятого класса?

— Будет! — сказала Клава. — Уже три новые учи-
тельницы приехали. С виду симпатичные... Только
лучше Зои Александровны, по-моему, никого нет!

Один за другим у костра собирались ребята, рас-
саживались перед огнём, грелись.

К костру подбежала запыхавшаяся Мотя:

— Ребята, за мной Петька Саков идёт!

— Зачем звала его? — спросил Павел.

— Я не звала, он сам...

— Опять, верно, драться будем.

К костру подошёл Пётр и молча остановился. Мол-
чали и ребята. Все вдруг увидели, что глаза у Петра
совсем не злые и смотрит он очень жалобно и сму-
щённо.

— Ну, чего стоишь как столб? — спросил Павел, но в голосе его было больше удивления, чем угрозы.

Пётр шевельнул рыжей головой и сказал тихо:

— Вы меня за человека не считаете, а я вам, а я вам... — он запнулся, — про записки хотел сказать...

— Это какие же? — спросил Павел.

— Что в Иерусалиме бог против колхозов говорил... Ну, голос его, что ли, был слышен... Эти записки... моя тётка с Кулукановым сочиняла.

— Врёшь!

— Право слово... Тут нищенка ходила, так они и научили её эти записки бросать...

Павел сделал шаг вперёд и вдруг крепко, но дружелюбно стукнул Петра по спине:

— Молодец, Петька!

Ребята наперебой заговорили:

— Петя, садись!

— Садись, Петька, у костра!

— Всё здесь посуше!

Пётр робко поёжился:

— А вы меня в пионеры примете?

— Ну ясно, примем!

— Вот в деревне смеху-то будет, как про письмо правду узнают! — сказал Яков.

— А кто эти самые листочки переписывал? — язвительно спросила Клава.

— Кто-о? Я? — смутился Яков. — Да я... это самое... и в бога-то совсем не верю! Это ж курам на смех!

— А на пасху куличи святить ездил!..

Все засмеялись.

— Так это ж мать заставила!

Ему очень хотелось, чтобы ребята убедились в том, что он не верит в бога. Он запел «безбожную» песенку, которую часто распевали пионеры в те годы:

Пионеры, в бога вы не верите,
А где ваша пасха?

Данила с усмешкой поправил на плечах куртку, медленно отошёл.

И все дружно подхватили:

Наша пасха — выдумка и сказка,
Вот где наша пасха!

Потом все уселись у костра и с аппетитом поели ухи. Луна выплыла из-за облаков и синим светом залила лес, живой дрожащей дорожкой протянулась по озеру. Мальчики сушили у огня одежду, хвастались уловом. Невдалеке слышалось:

— Эй, пионеры! — По голосу все узнали Данилу. — Рыбачите?

Данила подошёл к костру. Его узенькие глаза забегали по лицам ребят, на секунду встретились с глазами Павла и снова скользнули в сторону.

— Ну, ну, рыбачьте. — Он с усмешкой поправил на плечах куртку, медленно отошёл.

— Носит его здесь!.. — проворчал Яков. — Всегда он насмехается.

— Девочки, — зашептала, понижая голос, Клава, — а вы видели, какая у него рубашка?

— Какая?

— Кулукановская! На груди зелёным вышитая... Ей-ей! Я запомнила, как Кулуканов носил.

— Подарил, наверно, — сказала Мотя. — Чего-то часто стал в гости к Кулуканову ходить... Паш, и дед Серёга к нему ходит, я видела.

Все умолкли. Пётр Саков сказал в тишине:

— Данилка ему хлеб помогал молотить. Из другой деревни Кулуканов батраков нанимал. Из нашей нанимать боится! По ночам молотили.

— В сельсовете сказал — град побил. Хлеб государству сдавать не хочет, — возмутилась Мотя.

— Мотя, дай-ка ту бумажку, — нахмурился Павел.

Мотя порылась в кармане и протянула ему свёрнутый листок. Он взял его не глядя.

— Вот она, — Павел кивнул на Мотю, — сегодня в сельсовете список раздобыла, кто не хочет хлебозаготовок выполнять. Она мне в лесу рассказывала... вот. А вы, дураки, запели «тили-тили тесто»...

Яков виновато кашлянул.

— А ты, Яшка, завтра будешь в избе-читальне объявление писать.

Павел развернул листок:

— Тут первым Кулуканов помечен. Вот ты и напишешь: «Здесь живёт зажимщик хлеба Кулуканов». Возьмёшь старую газету и напишешь чернилами. А потом на кулукановские ворота приклеим.

— А не намылят нам, это самое, шею?

— Тут немного — человек пять. — Павел посмотрел в список и нерешительно провёл рукой по затылку. — Тут, ребята, одна фамилия помечена... Слышь, Яшк? Второе объявление будешь так писать: «Здесь живёт зажимщик хлеба Ступак».

Все посмотрели на Клаву. Она сидела у костра, растерянно открыв рот, держа в поднятой руке ложку. Глаза у Клавы замигали всё быстрее и быстрее.

— Не хочу я... не хочу... Дядя это мой... — Она захлебнулась слезами.

— Чего разревелась? — набросилась на неё Мотя. — Вон Пашка отца разоблачил, а ты...

Павел вдруг вскочил, с яростью глядя на Мотю, над бровью его задёргалась родинка.

— Дура! — крикнул он, но голос сорвался, задрожал. — И чего вы всё — отец да отец...

Он круто повернулся, зашагал в темноту. У самой воды прилёг на бугорке, завернулся в куртку. Невслышно подошёл Яков.

— Отстань!

Яков опустил на корточки:

— Давай не будем про Ступака писать...

— А мне что за дело!

— А то Клавка... это самое... ревёт. Она говорит — сама уговорит дядьку хлеб сдать. Хорошо?

— Хорошо.

Яков помолчал, вздохнул:

— Пашк, идём ещё ухи поедим.

— Не хочу. Я спать буду.

Яков вернулся к костру. Павел долго ворочался в траве, смотрел на редкие, слабо мерцающие звёзды. С озера наплзал туман, в тёмной воде плескалась рыба. В лесу было тихо, пахло хвоей. Изредка шелестело что-то в чаще да издалёка доносился раскати-стый крик филина, похожий на кашель: «Кха-а...»

...Среди ночи Павел со стоном проснулся от жгучей боли и дыма. Кто-то подсунул под шею горящую головню. В ужасе вскочил, держась за опалённое место, и лицом к лицу столкнулся с Данилой.

Над лесом низко висела чуть ущерблённая луна, в её свете мальчик ясно увидел непонятную, застывшую усмешку на лице двоюродного брата.

— Что, жарко? — хрипло спросил Данила и вдруг схватил Павла за горло и, рванув, опрокинул в озеро.

Холодная вода сомкнулась над мальчиком. Теряя сознание, он всё ещё пытался слабеющими руками отцепить тяжёлые железные пальцы, сжимавшие ему горло. Но пальцы вдруг сами разжались. Задыхаясь и кашляя, Павел вырвался из воды и не сразу понял, что происходит вокруг. Вода клокотала и плескалась. Ребята, бросившиеся на выручку, теперь крепко держали Данилу. Рядом с Павлом по пояс в воде стояла Мотя и кричала, размахивая руками. Потом он увидел Петра и Якова, вцепившихся в Данилу.

— Пустите, — хрипел Данила, — пошутил я... Ну пустите...

Его повели к догорающему костру. Он рванулся, прыгнул через тлеющие угли и побежал, не оглядываясь, шелестя мокрой одеждой.

До самого утра никто не спал.

— Да что ж это такое? — всхлипывая, говорила Мотя. — Да чего ж ему надо, душегубу?

— Ты скажи отцу, — убеждал её Яков. — Пусть он... это самое... Данилку в сельсовет вызовет!

— Нельзя, ребята! — негромко сказал Павел. — Никому не говорите!

— Почему?

— Маманька узнает — беспокоиться будет сильно... Жалко мне её, ребята.

ТЕНИ ВО ДВОРЕ

Дед Серёга встал на рассвете — старики мало спят. Побродил по двору, оглядывая, всё ли в порядке, выпустил из сарая проснувшихся кур. Потом, кряхтя, вышла бабка, тонко пропела:

— Цып-цып! Цып-цып!..

Дед издали наблюдал, как куры клюют зерно, дружно постукивая клювами. Вдруг он зашевелил усами, на цыпочках засеменил к птицам и с размаху хлестнул хвостистой белобокою курицу:

— Анафема!

Птицы с шумом разлетелись. Дед гнался за белобокой курицей, подпрыгивая на кривых ногах.

— Опять соседскую куру кормишь, старая! Вот я её, дрянью такую, в щи!

Пронзительно кудахча, курица вылетела на огород, заметалась между картофельными кустами.

Дед остановился, тяжело дыша. Навстречу ему по огороду шёл Кулуканов, осторожно переступая пыльными сапогами через картофельные кусты. Дед ладонью смахнул с морщин пот и, торопливо вытерев её о штанину, протянул Кулуканову руку:

— Доброго здоровья, Арсений Игнатьевич.

— День добрый... — Голос у Кулуканова низкий, спокойный, но в желтоватых глазах тревога, широко-скулое лицо его с острой бородкой необычно бледно — то ли от бессонницы, то ли от усталости.

Пошли в избу. Кулуканов кивнул бабке, снял картуз, перекрестил лысоватую голову. Сел в углу под тёмной божницей, за которой торчали ножи и вилки: издавна служили эти иконы вместо шкафа.

— Покличьте Данилу.

Когда явился заспанный Данила, гость неторопливо достал из кармана газетный лист с расплывшимися чернильными буквами.

— Глядите, содрал сейчас с ворот...

Бабка непонимающе глядела на фиолетовые буквы, трясла головой. Она стояла над недочищенной картошкой с большим горбатым ножом в руке. На его лезвии густо белели царапины — следы от камня, о который его точили.

— Зажимщик хлеба! — Кулуканов скомкал лист, швырнул в сторону. — Когда-то Трофим приходил, кланялся: «Будь у сына крёстным отцом». Согласился крестить... Кабы знал тогда, сам бы своими руками у попа в купели утопил змеёныша!

Данила сказал чуть слышно:

— Утопить никогда не поздно...

Кулуканов сделал вид, что не расслышал, и продолжал глухо:

— У Силина закопанный хлеб нашли, а у Шитракова — оружие. Тоже он устроил со своими босяками... И в стенгазете прописал.

Кулуканов прикрыл рукой задёргавшуюся щёку и долго молчал.

— Не дам проклятым! Ничего не дам! Спалю лучше!.. А весь обмолоченный хлеб сегодня у вас в сарае закопаю... Яму вырыли?

— Вырыли, Арсений Игнатьевич.

...Вечером Павел помогал брату готовить уроки. Высунув кончик языка, он старательно переписывал решение задачи. В избу вошла Татьяна:

— Ребятки, вы почему не спите?

— А ты сама почему так поздно?

— Конюшню для колхоза строим... — Она улыбнулась, развела руки. — Большущая! Никогда такой не видела... Ну-ка, спать, спать!

...Ночью Павла разбудил плач Романа. Усталая мать крепко спала — не слышала. Павел спрыгнул с печи, укрыл Романа, подумал: «Вырос как Ромка! Глядишь, в школу скоро пойдёт».

Школа! Он с нежностью вспомнил Зою Александровну, новых учителей, которых она представляла сегодня, в первый день занятий, ребятам. Какими будут эти новые учителя? По первому дню судить трудно, но кажется, что все хорошие. Только, конечно, лучше Зои Александровны никого не будет!

Роман вдруг заревел на всю избу. Павел склонился над ним:

— Ну, спи, спи, Ромочка!

Вскочила сонная мать:

— Ох, горе моё! Что ж ты не скажешь?

— А он уже засыпает, маманька...

Роман умолк, едва мать прикоснулась к нему. Павел, зевая, полез на печь. Федя тоже проснулся и, свесившись с печи, смотрел в окно.

— Чего ты?

— А вон глянь, что там?

Над двором из-за лёгкого облака выплыл месяц, и на земле от него легли тени и светлые полосы. Прямо перед окном — забор деда Серёги. За забором двигались чьи-то тени.

Павел шагнул к двери.

— Ты куда ещё? — зашептала мать.

— Сейчас...

Он неслышно спустился с крыльца, подошёл к забору. Во дворе деда Серёги фыркали лошади. Трое — дед Серёга, Данила, Кулуканов — снимали с ходка полные мешки, носили их в сарай. Бабка копошилась у ворот: никак не могла справиться с засовом.

— Паш, а кони-то кулукановские, — услышал Павел шёпот Феде за спиной.

— Чего ты пришёл?

— А ты побежал, и я тоже... Чего там, Паш?

— Прячут зерно в яму.

— Да ведь у дедуни нет столько хлеба.

— Ну ясно, нет... Зерно-то кулукановское. Вот подлые! Сгноить хотят.

— А зачем они прячут?

— Чтоб не отобрали... А хлеб для государства сейчас самое важное! Это ещё Дымов говорил.

Федя возбуждённо зашептал:

— Вот я им сейчас крикну!.. Хочешь?

— Ступай спать.

Федя послушно ушёл. Тихо во дворе. Захрапел конь, звеня сбруей. Слышен приглушённый голос Кулуканова: «Ну, не балуй!» Данила вышел из сарая, остановился как будто в раздумье и вдруг быстро шагнул к забору.

— Подглядываешь, коммунист? — Грохоча жердями, он прыгнул через забор.

Но Павел уже исчез.

Дед Серёга и Кулуканов замерли посреди двора.

— Кто? — забормотал дед.

— Пашка!.. Кажись, к Потупчику побежал...

Кулуканов сорвался с места, схватил Серёгу за рукав, зашипел прерывающимся голосом:

— Опять он!.. Уполномоченного из района присылают — не страшно: сегодня здесь, а завтра уехал обратно, — а тут свои глаза! Под боком! От них никуда не скроешься!

Дед не двигался.

— Слышишь, Серёга?

Дед сказал тихо и чётко:

— Убью...

Все молчали. Лишь бабка что-то шептала и крестилась. Кулуканов наклонился к Даниле:

— Я тебе давал... и ещё дам... выследить его надо... И конец!

...Утром комиссия из сельсовета сделала обыск во дворе у деда Серёги. Хлеб был найден. В сарае нашли и кулукановский ходок.

3 СЕНТЯБРЯ 1932 ГОДА

На рассвете в воскресенье Павел и Федя собрались по ягоды.

— Сбегай за Яшкой, — сказал Павел, вытираясь

полотенцем, — а то он, соня, будет целый час собираться.

Федя опрометью бросился на улицу.

Павел стоял на пороге, помахивая полотенцем. Огромное красное солнце высунулось из-за дальней крыши, всё порозовело кругом. Было слышно, как на другом конце деревни перекликались петухи.

Прибирая избу, Татьяна бросила взгляд на Павла и задержалась посреди комнаты. Чётким силуэтом вырисовывался он в открытой двери — рослый, худощавый, с руками, вылезавшими из рубашки, которую она сшила в прошлом году. «Совсем большой стал», — подумала она и проговорила, вздохнув:

— Пашутка, вы допоздна не ходите только.

— Мы в Тонкую гривку махнём.

— Ещё чего надумали? Вот я вам махну!

— Да я шучу, мам... Мы часа через три вернёмся, как раз к утреннику в школу поспеем.

Татьяна увидела, как в соседнем дворе мелькнула фигура Данилы, и прибавила, понижая голос:

— Эти... соседи наши, не грозятся тебе?

Он пожал плечами.

— А вчера Данила ничего не говорил, когда у них кулукановский хлеб раскопали? — допытывалась она. — Ты же их на чистую воду вывел.

— Молчит... не смотрит даже...

— Сколько хлеба загубить хотели! Окаянные!

Прибежал Федя:

— Паш! Братко!.. Яшка спит — не добудиться! Я его и щипал, и кулаком под бок, а он только мычит.

— Пошли сами.

— Пошли! — обрадовался Федя. — Вот я только мешок возьму.

Вышли на улицу. Вдалеке сквозил осенний лес.

А в это время запыхавшийся Данила прибежал к Кулуканову:

— Ушёл на болото... за клюквой...

Кулуканов надел картуз;

— Пошли к Серёге...

Дед сидел на крылечке, вертел папиросу. Увидев торопливо подходящего Кулуканова, поднялся, положил нескрученную папиросу в карман.

— Ушёл на болото... — сказал Кулуканов. — В самый раз!

Дед, не отвечая, заходил по двору, забормотал что-то. Наконец остановился, словно устал.

— Данила, — сказал он тихо, — дай его...

— Кого? — так же тихо спросил Данила.

— Нож... — выдохнул дед.

Данила долго не мог вытащить нож из-за божницы, у него дрожали руки. Наконец выдернул и бегом бросился во двор.

Дед яростно замахал руками, зашипел:

— Да не этот! Тот, горбатый, неси!

Данила исчез и сейчас же вернулся, пряча нож в рукаве:

— Вот он...

— Чего зубами-то лязгаешь? — хрипло сказал дед. — Иди!

— Он... не один пошёл...

— С кем?

— С Федькой...

— Выдаст... — шепнул Кулуканов.

Дед вздрогнул.

— Обоих!.. Ну, ступай же! Чего стал, собачий сын?.. Стой! Я с тобой пойду...

Кулуканов смотрел им вслед и крестился.

...Усталые мальчики возвращались в деревню. Федя всю дорогу оживлённо болтал.

— Паш, а кто быстрее: волк или заяц?

— Волк, наверно.

— Паш, а у меня галстук будет, когда я торжественное обещание дам?

— А как же!

В берёзовых зарослях мальчики вдруг увидели деда Серёгу и Данилу. Павел задержал шаг.

— Паш... Данила драться не полезет? — тревожно спросил Федя.

— Побойтся при деде. — Павел всматривался вперёд. — А ты иди сзади, отстань шагов на десять.

Он медленно приближался к старику.

— Набрали ягод, внучек? — Голос у деда вкрадчивый, ласковый.

— Ага.

— Ну-ка, покажь... Хватит на деда дуться-то...

Павел обрадованно и смущённо заулыбался, снял с плеча мешок.

— Да я не дуюсь, дедуня... Смотри, какая клюква. Крупная!

Он открыл мешок, поднял на деда глаза и отшатнулся: серое лицо старика было искажено ненавистью.

— Дедуня, пусти руку... Больно!

Тут мальчик увидел в другой руке деда нож.

— Федя, братко, беги!.. Беги, братко!..

Данила тремя прыжками догнал Федю...

...На третий день искать братьев в лес пошла вся деревня. Двигались цепью, тревожно перекликались.

В жёлтом осеннем лесу было тихо и пусто.

Мотя бежала мимо осыпающихся осин и берёз, мимо колючих елей, ноги её утопали в шуршащих листьях. Рядом скакал мохнатый Кусака.

— Ищи, Кусака, ищи... — шептала она.

Пёс прыгал, вилял хвостом, смотрел на девочку добрыми глазами. Девочка на секунду остановилась, озираясь и, облизывая сухие губы, снова побежала... Сколько она уже бежит? Час? Два?

В берёзовых зарослях мальчики вдруг увидели деда Серёгу
и Данилу.

Нет, с ними ничего не случилось! Они у тётки в Тонкой гривке. Но почему же мать говорит, что их там нет?

— Ищи, Кусака... ищи!

Но Кусака исчез. Потом Мотя услышала собачий вой, от которого замерло сердце и сразу стало холодно. Задыхаясь, она побежала на этот страшный вой, раздвинула кусты. Вот...

Мешок, рассыпанные ягоды... и кровь на жёлтых листьях.

Павел лежал, разбросав руки.

В отдалении, зарывшись лицом в валежник, лежал маленький Федя.

Запрокинув голову, Мотя бросилась прочь. Из горла вырвался длинный, стонущий крик:

— А-а-а...

Всё остальное было как в дыму. Она не видела, как вынесли из леса тела убитых, как вели в сельсовет упирающегося Данилу, не слышала, как Данила, заикаясь, бормотал что-то о Кулуканове, о деде Серёге...

...Всю ночь учительница не отходила от Татьяны, прикладывала к её голове мокрое полотенце. Изредка учительница выходила на крыльцо и всякий раз видела одно и то же: за столом под берёзкой, прижав к себе охотничье ружьё, неподвижно сидит рыжебородый Потупчик. Неподалёку от него застыла Ксения, опустив голову на руки.

— Как Татьяна Семёновна? — чуть слышно спрашивал Потупчик.

— Бредит... — говорила учительница, держась за дверь, чтобы не упасть.

Ксения поднимала голову, шептала:

— Зочка, вы бы поспали... Ведь третьи сутки на ногах... Я же здесь. Я присмотрю за Таней.

— Нет, нет, Ксения Петровна, какой там сон... —

слабо качала головой учительница и снова уходила в избу.

Ксения вдруг закрыла лицо руками:

— Ой, да что же это такое делается? Ой, Таня, моя подруженька бедная! Да как она переживёт своё горе горькое!

Потупчик положил ей руку на плечо:

— Ксения! Нельзя. Да нам с тобой такую надо силу иметь теперь... Такую силу!

— Да, да... Не буду, Василий... — Она отняла от лица руки, выпрямилась. — Не знаю я только, какую казнь придумать убийцам подлым, врагам рода человеческого!

Они насторожились, услышав шум подъезжающей повозки.

Во двор быстро вошёл Дымов и следом за ним — моложавый человек с красными петлицами на гимнастёрке, милиционер, старенький врач. Дымов обвёл взглядом двор, спросил, не здороваясь:

— Где Татьяна Семёновна?

— Там... — Потупчик кивнул на избу.

— Прошу вас, доктор... Ксения Петровна, отведите, пожалуйста. — Он замолчал, провожая глазами торопливо поднимавшихся на крыльцо Ксению и врача. А когда заговорил снова, в его тихом голосе зазвучал укор: — Почему так поздно нарочного прислали в район, Василий Иванович?

— Кто же мог думать, Николай Николаевич, что такое злодейство произойдёт? — Потупчик страдальчески стиснул руки. — Ведь дети...

— Убийцы задержаны? — спросил человек с красными петлицами.

— Данилка и Серёга здесь, в сарае. Муж Ксении, Фёдор Иванов, сторожит... Ребята, конечно, первым делом на Данилку показали. Угрожал он и раньше Павлу... Пошли сегодня с обыском — вещественное

доказательство обнаружили... Нож, рубашка в крови... Данилка затрясся, ну, и указал на деда и Кулуканова...

— А Кулуканов? — спросил человек с петлицами.
Потупчик развёл руками:

— Простить себе не могу, товарищ начальник... Проворонили! Как узнал, что на него Данилка указал, так и скрылся...

Дымов молча ходил по двору.

Худощавый мальчик с тёмной родинкой над правой бровью, как видение; стоял перед его глазами.

...На рассвете прибежал Пётр Саков. Он был бледен.

— Скорей, скорей!.. — кричал он срывающимся голосом.

— Что, мальчик? — спросил человек с петлицами.

— Кулуканов!

— Где?

— Разыскали мы...

— Где?

— В амбаре он прятался. А как вы приехали, так он задами по огородам побежал.

Человек с петлицами и милиционер молча бросились на улицу следом за Петром.

Через полчаса они привели Кулуканова. Все пошли в сарай. Увидев Дымова, Данила затрясся, шархнулся в сторону:

— Не я это... не я... Они научили!

Одёргивая дрожащими руками поддёвку и презрительно глядя на Данилу и деда, Кулуканов зло сказал:

— Не так сработали... Нужно было в болото, под колоду... Тогда б и вóрону костей не сыскать.

Взметнув в ярости кулаки, Иванов бросился на Кулуканова:

— У, гадина!..

Потупчик остановил его:

— Не надо, Фёдор... Не марай руки...

...Шёл снег, заметая лес и деревню. Ветер стучал калиткой, шипел в трубе. Татьяна ничего не слышала. Металась в горячей постели, шептала в бреду:

— Деточки... Паша... Федя...

У постели по очереди дежурили соседи, ухаживали за Романом. В избе было тепло, пахло лекарствами.

Татьяна открыла глаза. Кто-то заботливо склонился над ней, поправил одеяло. Она спросила чуть слышно:

— Какой месяц?

Ей ответили:

— Декабрь.

Она приподняла голову:

— А что... сделали тем?

— Расстреляли...

Татьяна встала, придерживаясь рукой о стену, прошла по избе. Роман спал посапывая.

Она подошла к окну, за которым в сумерках голубел снег. Наискось от окна — высокий дом с резными воротами. Там жил Кулуканов. Татьяна всматривалась недвижными глазами в красную вывеску над воротами, разбирала по слогам:

— Правление колхоза... имени Павлика Морозова.

Глаза заволокло темнотой; не вскрикнув, она тяжело упала на пол. Бесчувственную, её перенесли в постель.

Скоро Татьяне стало лучше. Однажды в яркий морозный день к ней пришли школьники. Они вошли в избу, окружённые холодом и паром, тихие и торжественные. С ними была и Зоя Александровна.

Яков и Мотя приблизились к Татьяне. Переступив с ноги на ногу, Яков проговорил тихонько:

— Тётя Таня... мы... мы... это самое...

Больше он ничего не сказал.

Потом заговорила Зоя Александровна. Торопясь и сбиваясь, учительница рассказывала о том, что дорогое всем советским детям имя пионера Павлика Морозова известно всей стране, что она, Татьяна, не осталась забытой в своём горе, что правительство назначило ей пожизненную персональную пенсию и что ей предлагают поселиться в солнечном Крыму, у Чёрного моря, чтобы поправить своё здоровье.

Татьяна не слышала её слов. Она смотрела в озабоченные и родные лица всех этих умолкнувших ребят, глаза наполнились слезами.

Учительница, волнуясь, говорила о том, что миллионы советских ребят будут всегда стремиться быть такими же честными и преданными сынами своей Родины.

Татьяна машинально повторила это слово:
— Сынами...

Она вдруг горячо задышала, подошла к ним, протягивая дрожащие руки:

— Ребятунки!.. Родные мои!..

ПИСЬМО УЧИТЕЛЬНИЦЫ

Вчера я приехала в Москву из Крыма, где сейчас живёт Татьяна Семёновна. Из окна моей гостиницы виден Кремль, о котором все мы всегда думаем с таким волнением.

Вы, ленинградки, конечно, чаще бываете в Москве и поэтому, вероятно, не испытываете того непередаваемого чувства встречи со столицей, которое охватывает нас, дальних провинциалов, когда мы вступаем на землю великого города. Я вижу внизу, на площади, тысячи торопящихся по своим делам москвичей и невольно удивляюсь: как они могут спокойно проходить по Красной площади, мимо Кремля...

Вы спрашиваете меня, как живёт Татьяна Семёновна. Я пробыла у неё около месяца. Она встретила меня очень ласково, со слезами на глазах и всё время называла «доченькой», несмотря на то что в моих волосах давно появилась седина и все жители Герасимовки уже не называют меня «Зочка», как двадцать лет назад, а величают Зоей Александровной.

Домик Татьяны Семёновны стоит на горе, окружённый кипарисами. Они поднимаются вокруг, высокие, тонкие и стройные, словно безмолвные и торжественные сторожа.

Из окна между кипарисами видно то синее, то зелёноватое, то тёмно-серое море.

Каждое утро почтальон приносит письма. Целые пачки конвертов — жёлтых, розовых, голубых, белых. Среди них много треугольников, аккуратно склеенных из линованной ученической бумаги. И на каждом конверте адрес, написанный неровным детским почерком: «Крымская область, город Алупка, Севастопольская улица, № 4. Татьяне Семёновне Морозовой».

Худошавая седая женщина долго читает эти трогательные по своей простоте и сердечности письма мальчиков и девочек. Они пишут ей о своём учении, о пионерских сборах и обещают быть такими же, как Павлик, так же, как он, любить Родину и ненавидеть её врагов.

Татьяна Семёновна живёт совсем одна. В самом конце войны ей пришлось пережить ещё один удар судьбы: смертью храбрых пал в боях за Родину девятнадцатилетний Роман. Она показывала мне его письма. Одно из них я взяла с собой, чтобы передать в Герасимовке в Музей Павлика Морозова. Вот это письмо — перепишите его для Ленинградского дворца пионеров.

«25 октября 1944 года. Восточная Пруссия.

Родная! Сегодня после боя получил весточку от тебя. Как хорошо, что ты, моя старенькая, снова вернулась в освобождённый Крым, к морю, к солнцу. Боюсь только, что ты будешь тосковать там одна, без меня, без герасимовских друзей. Но ведь теперь мы скоро будем снова вместе. Ведь победа наша совсем близка!

Дорогая, любимая мама! Свершилось! Наша армия идёт по земле врага. Мы шли через моря слёз и горя, освобождая родную советскую землю. И мы пришли сюда!

Сегодня на рассвете мы под огнём форсировали

реку. Сначала на вражеский берег перебралась группа автоматчиков. Она закрепилась на маленьком участке. Чтобы умножить её силы, нужно было переправить артиллерию. И тогда я, как командир небольшого орудия, попросил разрешения переправиться первым. Мы погрузили нашу пушку и запас снарядов на понтон и стали грести.

Когда мы были на середине реки, нас обнаружили немцы и открыли ураганный огонь. От взрывов вода кругом поднималась столбами и водопадом падала на нас. Я крикнул своим ребятам, чтобы они на всякий случай разделись, если придётся вплавь добираться до суши.

Когда до берега осталось несколько метров, осколком снаряда пробило понтон. Андрей Чубарь, тот самый высокий, плечистый украинец, о котором я тебе уже писал раньше, первый прыгнул в ледяную воду, несмотря на то что был ранен в ногу. К счастью, это было неглубокое место, и он сумел плечом поддержать понтон. Мы на руках вынесли пушку и оборудовали огневую позицию.

Скоро к месту переправы двинулись фашистские танки. Мы били по ним с расстояния двухсот метров, и почти ни один наш снаряд не пропал даром. В этом бою мой расчёт уничтожил пять фашистских танков.

Ещё мне хочется рассказать тебе об одном случае, который так взволновал меня сегодня. Андрей Чубарь в моём расчёте недавно, и поэтому он не знал, что я брат Паши. И вот, перевязывая час назад рану Андрея, я обнаружил в его сапоге между стопкой писем и документов аккуратно вырезанный из старой газеты портрет Паши. Это было так неожиданно, что я даже вздрогнул.

«Зачем ты носишь этот снимок?» — спросил я.

Он посмотрел и проговорил:

«Ты, товарищ старший сержант, был пионером?»

«Был», — ответил я.

«Так вот, этот мальчик, Павлик, тоже был пионером. С детства он мой самый любимый герой. Между прочим, твой однофамилец, товарищ старший сержант. В тридцать втором году его убили враги советской власти. Ты помоложе меня и, может, не знаешь этой истории, а я в то время сам был таким пионером, как он...»

Я ничего не сказал Андрею. Но ты подумай, дорогая моя мама, как это хорошо! Павла помнят.

Сейчас вечер. У разрушенного фольварка немецкого барона пишу я это письмо. Мы недолго пробудем здесь. Скоро снова вперёд, в бой!

До свиданья, моя ненаглядная мама. Обнимаю тебя и целую твои старые ласковые руки. До скорой встречи, родная! Твой сын Роман Морозов».

Да, сейчас она совсем одна. Но она не одинока. Приходят к ней взрослые и дети, приезжают пионерские делегации из дальних и ближних мест. И тысячи мальчиков и девочек со всех концов необъятной земли пишут ей сердечные письма.

«Эти письма согревают мою старость», — сказала она мне.

На днях погостить приедут к ней друзья Павлика — Яша Юдов, Мотя Потупчик, Клава Ступак и Петя Саков. Я их называю так, несмотря на то что все они совсем взрослые люди. Но ведь они мои воспитанники!

Сегодня утром все они явились ко мне в гостиницу. Сначала пришла Мотя. Она инженер. Потом пришёл Яша в городском костюме, с ярким галстуком. В Герасимовке я часто с ним встречалась; он работает в нашем районе агрономом.

Супруги Клава и Петя пришли вместе. Оба они были в военной форме, с погонами на плечах. Петя — майор, Клава — военврач.

Потом мы поехали в детский парк, посреди которого воздвигнут памятник Павлику.

Мы долго стояли у бронзового монумента мальчику-герою. Мотя сжимала мне руку и тихонько шептала:

«Если бы он и Федя дожили до наших дней! Если бы дожили!..»

Где-то забил барабан. К памятнику подошёл с красным флагом пионерский отряд. Две девочки вошли за ограду и положили к подножию памятника цветы.

Мы стояли очень взволнованные, умолкнувшие, и Мотя тихонько сжимала мою руку...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Выстрел в лесу	3
Председатель сельсовета	8
Бурьян	21
Отцовские конфеты	28
Петька Саков	41
Уполномоченный райкома	48
Тревожный вечер	57
Ночной гость	62
Заговор	72
Таинственное письмо	79
У костра	84
Тени во дворе	93
3 сентября 1932 года	97
Письмо учительницы	107

Художник И. Х. Гринштейн

Губарев Виталий Георгиевич

ПАВЛИК МОРОЗОВ

П о в е с т ь

Ответственный редактор С. Е. Миримский. Художественный редактор Л. Д. Бирюков, Технический редактор Т. М. Страхова. Корректоры К. П. Тягелская и Т. Ф. Юдичева.

Сдано в набор 30/XII 1962 г. Подписано к печати 25/II 1963 г. Формат 60×84¹/₁₆. Печ. л. 7,0. Усл. печ. л. 6,39. Уч.-изд. л. 5,33. Тираж 150 000 экз. ТП 1963 № 184. Цена 29 коп.

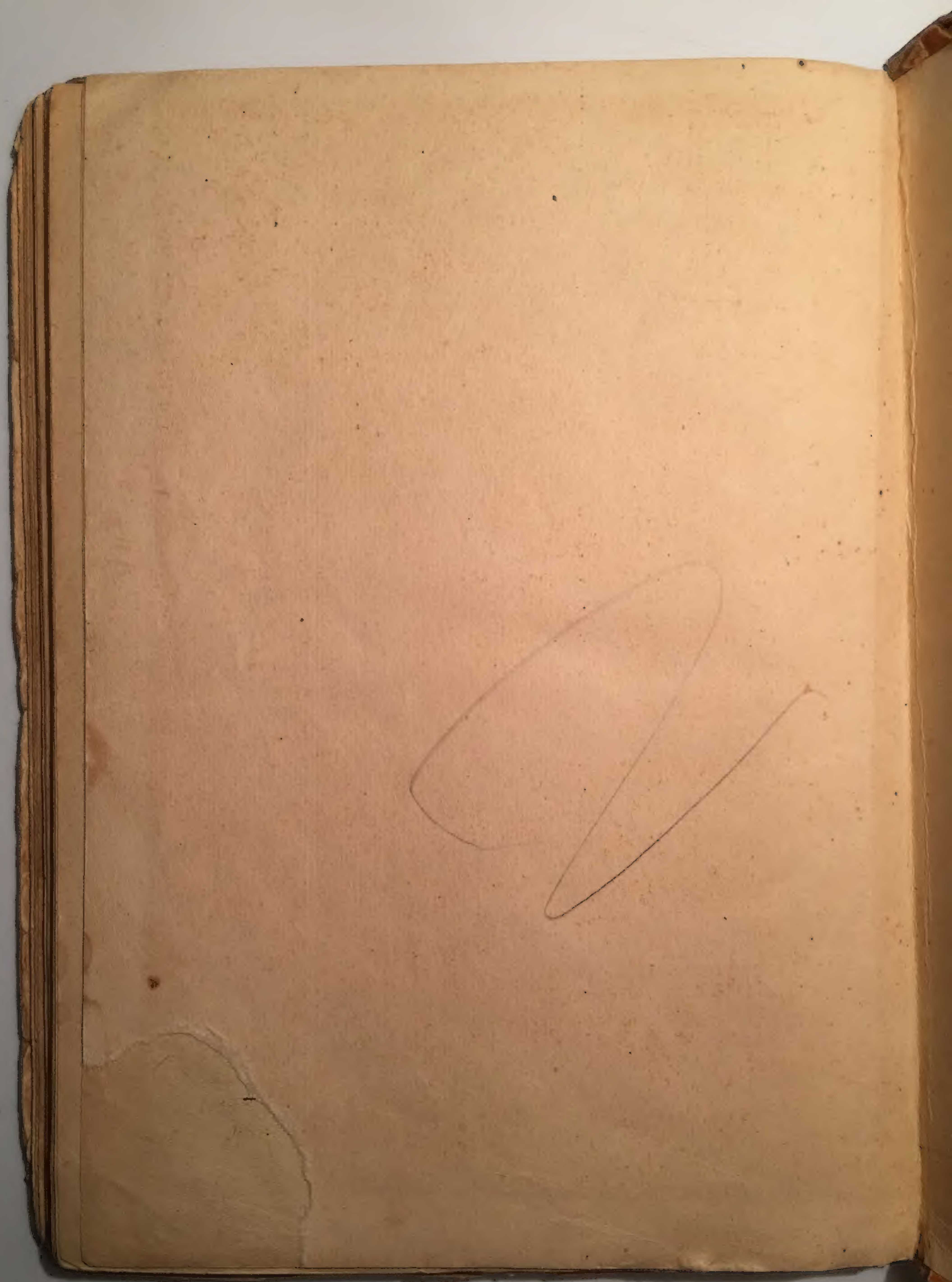
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сушеvский вал, 49.
Заказ № 3986.

3
8
21
28
41
48
57
62
72
79
84
93
97
07

актер
кторы
ормат
00 экз.

19.

Цена 29 коп.

